

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 9** Ю.А. Рыжов
Предисловие
- 13** смысл трилогии:
**Размышления
автора**
- 41** Глава ПЕРВАЯ **Вводная**
Моя аналогия. Откуда повторяемость? Отлучение от Европы.
Екатерина и Николай. «Вызов Петра». «Вызов Николая».
«Золотой век русского национализма». Приговор современников.
«Восстановители баланса». «Удивительно, что мы еще живы».
Проблема контекста. Две логики. Кому было хорошо при Николае?
- 79** Глава ВТОРАЯ **Московия, век XVII**
Постулат Достоевского. Проверка историй. «Переворот в национальной мысли». Экономическая реставрация. Беззвёздная ночь Московии. Бесплодный век. «Нет никого веселящегося в дни сии».
Откуда парадокс? Проблема «самоисправления». Государство власти. «Народная монархия»? Московия и Польша. Крымская эпопея. Крушение православного фундаментализма. «Мы не первые и не последние среди народов». Крижанич и Петр.
- 125** Глава ТРЕТЬЯ **Метаморфоза Карамзина**
Полемика. Петровское наследство. В преддверии тупика.
Первая тревога. Отступление в современность. Сперанский и император Александр. Роль геополитики. Знамя реакции. Московитское просвещение. «Умный немец». Письмо бурмистру. Конфронтация. «Лукавый реакционер»? Либеральная логика? Лотман против Пыпина. «Конституция страха». Ошибка Пайпса. Война идей. Крижанич навыворот. «Возвышенная идеология». Тезис первый. Тезис второй.
- Театр одного актёра. Нейтрализуя «декабристов без декабря».
Кто кого вербовал? Выбор истории-страницы.
- 187** Глава ЧЕТВЕРТАЯ **«Процесс против рабства»**
Экономический прогресс? «Другой взгляд». «На 500 больных один здоровый». Прозрение Погодина. Фантомный страх. С точки зрения будущего. Николай I и П.Д. Киселев. Завещание Николая. Миронов против Ключевского. Комитет 6 декабря. Крушение «процесса против рабства». Похвальное слово коррупции. Кто виноват в крестьянском рабстве? Личный вклад Миронова. Сравнивая самодержцев. «Достижения Николая»? «Недостройки». Золотой век русской культуры. Последний рубеж Уварова. «Внутреннее закрепощение». Два журнала.
- 243** Глава ПЯТАЯ **Восточный вопрос**
Контекст. Театр абсурда. Аналогия. Стратегии Николая I? Пять сценариев. «Процесс против Турции». Турецкая «Московия». Пародии на Петра. Греческое чудо. «Наиболее вредная из всех возможных комбинаций». «Освободитель Греции». Еще один «восстановитель баланса». На страже Османской империи. Торжество «турецкого» сценария. Жандармская симфония? Гамбит. Ошибка или поражение? Ключи не от той двери. Стереотип. Прорехи стереотипа. Революция. Акт первый: завязка. Акт второй: прорыв революции. Акт третий: реакция. Венгрия. Император и Погодин. Гипотеза. Продолжение или поворот? Неисполнимая миссия. Хотела ли войны Европа? Несостоявшийся десант. Нетерпение Николая. Русско-турецкая война. Пиррова победа.
- 325** Глава ШЕСТАЯ **Рождение наполеоновского комплекса**
«Россия сбилась с пути». Воздух эпохи. Идейное наследие Николая. Два критерия. Мечта о «першем государствовании». Наполеоновский комплекс России. Точка отсчета. Погодин о Европе, год 1838. Гимн самодержавию, год тот же. «Философия трех ненавистей». Интрига. «Россия и Германия». «Так скажите, хороша ли ваша

политика?» Православие, Самодержавие и Славянство. Крушение диалога. «Святое дело» или «законная добыча»? Позорный мир. Все на том же распутье... «Человек неумный и опьяненный лестью». Московский оракул. «Четыре пункта». Причуды наполеоновского комплекса.

401 Глава СЕДЬМАЯ Национальная идея

Идеи и интересы. Массы или элиты? Принцип Ламздорфа. Торжество Славянской идеи. Отчаянные мысли. Преемники Погодина. Поворот. Химера. Польский вопрос. Спор о Данилевском. «Славянский Нострадамус». «Радиоактивная теория». Кавалерийская атака. Китай умирает? Где искать романо-германский тип? Куда девались мусульманство и буддизм? Гордыня. «Вперед, с нами Бог!» Власть имперского наваждения. Последнее отступление в современность. Почему Данилевский? Оправдание войны. Торжество химеры. Периодизация русской истории. На перекрестке трех стратегий. Смысл «дорожной карты». Опять постниколаевский выбор? Разоружение либералов. Долгая ретроспектива. Эпигоны «новых учителей». «Надежды маленький оркестрик». С точки зрения истории-странницы.

491 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Последние десятилетия Александр Янов разрабатывает ставшее для него «коронным» направление: историческая судьба России, ее корни, закономерности, эпохи. Его подход к предмету, конечно, строго научный, но написаны его книги так живо и темпераментно, что читаются почти как публицистика. Это, наверное, предопределено биографией автора — историка по образованию, журналиста по судьбе и борца по темпераменту.

Видимо большинство историков, в какие бы глубины времени они ни погружались, ищут в них ответ на вопросы современности. Поэтому и книги, и другие выступления А. Янова, касаются ли они начала второго тысячелетия или XV — XVI веков, или века XIX, — все они в открытую провоцируют читателя на сопоставление с днем сегодняшним, наталкивают на аналогии даже тогда, когда А. Янов (что случается редко) сам не формулирует аналогии и не перекидывает мосты из прошлого в настоящее, не демонстрирует цикличности трагедий и тупиков отечественной истории.

В выборе А. Яновым его «коронной» тематики, вероятно, сыграли роль такие моменты его жизни, как журналистское «бродяжничество» в 60-х — 70-х годах по стране, где глухомань, порой, начинается сразу за городской чертой. Здесь он увидел всё убожество народной жизни во всемогущей сверхдержаве. Другим моментом стало углубленное знакомство с трудами В.С. Соловьева, поразившего Янова своей формулой: четыремя национальными «само-» как ступенями в национальную историческую пропасть.

А. Янов обнаруживает такие ступени не только в Российской истории, но и в эволюциях элит других стран. И его особенно вдохновляет

то, что эти страны сегодня извлекли уроки из своей (и чужой) истории, чего он, как истинный патриот, желает и России.

Интересным представляется такое наблюдение Янова. Вышедшие в результате реформ 1860-х годов из николаевского подполья славянофилы быстро превратились из маргиналов и диссидентов во влиятельную политическую силу, агрессивную и реакционную по своему воздействию на умы соотечественников.

И здесь невольно легко начинаешь искать аналогию в нашем времени.

Выскочив из-под пресса советского тоталитарного режима, очень многие у нас в России охотно соскользнули со ступени национального самосознания (по В.С. Соловьеву) на следующие ступени, тем более, как правильно подчеркивает Янов, уж больно размыта в сознании людей граница между патриотизмом и национализмом.

А потому так легко проскочить вторую и третью ступени (национальное самодовольство и национальное самообожание) и очутиться на грани национального самоуничтожения.

Янов — сторонник европейского пути для России — весьма убедителен, когда утверждает, что у нас европейская традиция **существовала всегда**, в том числе и в начале второго тысячелетия. Что «западничество» не пришло на нашу землю ни в царствование Петра, ни тем более после победы над Наполеоном. Оно не пришло, Россия, по сути, была исконно европейским образованием, а на некоторых этапах своей ранней истории — более европейским, чем те страны, что сейчас считаются столпами современной Европы.

В своей борьбе с мифами автор обнаруживает единомышленников в плеяде отечественных историков-шестидесятников, отмечая, в частности, что в 1968 г. С.О. Шмидт убедительно показал, что реформы 1550-х годов в России носили отчетливо европейский характер, а форма правления была «абсолютизмом европейского типа».

Книги Александра Янова — это яростная и мучительная попытка ответить на вопрос: почему его многострадальную страну раз за разом отбрасывало в сторону, а то и вспять с предначертанного ей, казалось бы, европейского пути развития? Почему она так и не обрела гарантий от произвола власти (не пережила, на его языке, политическую модернизацию)? Почему так убога жизнь людей в богатейшей стране?

По ходу исследования он стремится опровергнуть концепции «климатогенной» обреченности России, лености и пассивности народа

и другие расхожие объяснения (оправдания) ее перманентной отсталости, столь распространенные в отечественной и зарубежной историографии. Он с открытым забралом бросается в бой с мифами отечественных авторов и мифологемами западных ученых.

И делает это с темпераментом яркого журналиста, но, вооружившись знанием и анализом огромного объема источников (см. библиографию его книг), что позволяет ему оставаться в рамках научной корректности.

Начав в 1981 году с «The Origins of Autocracy», А. Янов развивает свой анализ в «России против России» (1999), «Россия: у истоков трагедии, 1462–1584» (2001), «Патриотизм и национализм в России. 1825–1921» и, наконец, в этой трилогии, подводящей своего рода итог его многолетним исследованиям.

Всё это книги — предупреждения: похоже, мы перед последним выбором у последней черты. Мы снова занесли ногу над четвертой ступенью соловьевской лестницы.

А в таких ситуациях алармизм не может быть избыточным.

Слишком много из происшедшего в последние годы напоминает «разворот над океаном», а очередная невменяемость элит лишь укрепляет А. Янова в его опасениях.

В.О. Ключевский говорил, что «история — не учительница, а надзирательница, наставница жизни, она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». И хотя Янов числит Ключевского, равно как и В.С. Соловьева, в своих учителях, он выступает здесь как человек, не теряющий надежды, что при определенном подходе, в частности при демифологизации истории, она способна научить, предостеречь.

В том же русле — позиция Янова, отвергающая расхожую формулу, согласно которой история не знает сослагательного наклонения. Нет, говорит он, мы обязаны исследовать возможные альтернативы на всех переломных отрезках истории — как своей, так и других стран — в схожих обстоятельствах. И здесь, хотим мы того или нет, мы оказываемся вовлеченными в сопоставление судеб России и Германии в кровавом XX веке, России и Франции в начале века XIX-го.

И вот мы снова в водовороте очередного «цикла» — попытки встать на европейский путь. У сегодняшней попытки больше шансов на ус-

пех, не в последнюю очередь потому, что мир вошел в зону стремительных трансформаций. Эту зону больших скоростей, пользуясь терминологией газовой динамики, можно назвать ударной волной, где в узком интервале пространства/времени происходят кардинальные изменения основных параметров.

А после начинается «другое время»...

Как следствие этой «особости» нашего времени — попытка вхождения в Европу (успешная или нет) может происходить неизмеримо жестче, а возможно, и катастрофичнее, чем те, что случались раньше, когда процессы были растянуты во времени, а взаимодействие и взаимовлияние государственно-политических устройств и укладов было значительно слабее. Транспортно-коммуникационный технологический взрыв второй половины XX-го века резко изменил ситуацию.

Мир и, не в последнюю очередь, Россия, как мы сейчас видим, оказался не готов к новым вызовам, потому что не только генералы и политики, но и идейные лидеры общества застряли во времени: по инерции готовятся к прошлым войнам, конфликтам, ушедшим ситуациям.

Трилогия Александра Янова несомненно получит весьма разные и даже противоречивые оценки. И уже только это есть одно из ее достоинств.

Хотелось бы, чтобы суждение о ней высказали как можно больше озабоченных судьбой страны людей, а полемика с автором велась по возможности с позиций подлинного патриотизма, с опорой на факты, а не эмоции и укоренившиеся мифы-клише, среди которых — «обреченность» России на державное величие.

Думаю, что непредвзятое и внимательное прочтение книг, особенно — действующими политиками, может помочь увидеть реальное место нашей страны в мире, а значит — способствовать избежанию очередного (не дай Бог — последнего!) тупика отечественной истории.

Академик Ю.А. Рыжов

*История учит даже тех,
кто у неё не учится, она
их проучивает за невеже-
ство и пренебрежение.*

В.О. Ключевский

«По мере того как шли годы, — признавался в предисловии к своему двухтомнику „Открытое общество и его враги“ сэр Карл Реймонд Поппер, — оптимизм, пронизывающий эту работу, все больше и больше казался мне наивным. Мой голос доносился до меня словно из отдаленного прошлого, как голос какого-нибудь пылавшего надеждой реформатора XVIII или даже XVII века».¹ И при всем том ничего не стал сэр Карл менять ни в основном тексте своих полемических томов, ни тем более в самом их мифоборческом пафосе.

Мое отношение к трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» очень напоминает то, что испытывал к своему старому двухтомнику Поппер. С той, конечно, разницей, что он развенчивал опасные мифы, созданные Платоном и Марксом, а я те, которыми обросла за несколько поколений русская история. Увы, я тоже нахожу оптимизм первой книги своей трилогии наивным и тоже мало что в ней меняю.

Просто теперь я понимаю: мифы, о которых я говорю, так глубоко укоренились в общественном сознании страны и настолько стали расхожей монетой, что нужны поистине сверхчеловеческие усилия, чтобы все их развенчать. Усилия, на которые я заведомо не способен.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Центральный миф и все-таки именно первая книга трилогии помогла мне, а может быть, поможет и читателю, докопаться до самого источника современного российского мифотворчества, до корневой системы,

¹ Karl R. Popper. The Open society and Its Enemies, Princeton Univ. Press, 1971, vol.1, p. IX.

которая питает весь чертополох мифов, оправдывающих несвободу. Вот в чем она, похоже, состоит. Поскольку Европа — родина и символ свободы (либеральной демократии в политических терминах), мифотворцам непременно нужно доказать, что Россия не Европа. Проще всего, полагают они, сделать это, взяв в свидетели историю и объяснив, что с самого начала российской государственности свобода была ей противопоказана. Ибо основой ее политического устройства всегда был принцип патернализма, т. е. гегемонии государства над обществом, выраженной в священной формуле «Православие, Самодержавие и Народность».

Именно потому, говорят мифотворцы, и достигла высшего своего расцвета «русская цивилизация» в допетровской Московии XVII века, когда Россия была в наибольшей степени отчуждена от Европы, когда европейское просвещение считалось в ней смертным грехом и страна жила по собственным, «святорусским» нравственным правилам. Московия, таким образом, оказывается решающим доказательством неевропейского характера России, ее затонувшей Атлантидой, ее первозданным безгреховным (хотя и государственным) раем. Более того, и сегодня страна могла бы наслаждаться своей патерналистской «цивилизацией» и превосходство ее над либеральной Европой было бы всем очевидно, когда б не явился вдруг на исходе XVII века Петр, беспощадно растоптавший отечественное благочестие.

В результате Святая Русь оказалась под новым, на этот раз европейским игом, не менее жестоким, чем монгольское, только более лицемерным и соблазнительным. Но и под этим игом сумела она сохранить свою драгоценную патерналистскую традицию и имперское вдохновение золотого московитского века. И поэтому близок час, когда сбросит она либеральное иго, опять развернувшись во всю богатырскую мощь своей московитской культуры. И станет настоящей «альтернативой либеральной глобализации мира», по выражению Н.А. Нарочницкой, ведущего идеолога одной из победивших на выборах 2003 года партии («Родины»). А вдобавок еще и «историософской столицей всего мира», как во времена благословенной Московии.

Так выглядит центральный миф врагов открытого общества постсоветской России. Без сомнения, есть еще великое множество других, частных, так сказать, мифов, но, в конечном счете, все они уходят корнями в эту московитскую мечту современных мифотворцев.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Первая проверка историей

Один из них, М.В. Назаров, внушает нам, что «Московия соединяла в себе как духовно-церковную преемственность от Иерусалима, так и имперскую преемственность в роли Третьего Рима». Причем именно «эта двойная роль, — объясняет Назаров, — сделала [тогдашнюю] Москву историософской столицей всего мира».² Н.А. Нарочницкая, естественно, подерживает единомышленника. Она тоже сообщает нам, пусть и несколько косноязычно, что именно в московитские времена «Русь проделала колоссальный путь всестороннего развития, не создавая противоречия содержания и формы».³ Еще бы, ведь, как мы узнаем от Назарова, «сам русский быт стал тогда настолько православным, что в нем невозможно было отделить труд и отдых от богослужения и веры».⁴

Достаточно, однако, взглянуть на результаты этого «всестороннего развития» глазами самого пронизательного из его современников, чтобы заподозрить во всех этих восторгах что-то неладное. Вот как описывал быт «историософской столицы мира» Юрий Крижанич: «Люди наши косны разумом, ленивы и нерасторопны... Мы неспособны ни к каким благородным замыслам, никаких государственных или иных мудрых разговоров вести не можем, по сравнению с политическими народами полунемы и в науках несведущи и, что хуже всего, весь народ пьянствует от мала до велика».⁵

Пусть читатель теперь сам выберет, чему верить — «сердца горестным заметам» современника или восторженной риторике сегодняшних идеологов-мифотворцев. Впрочем, у Крижанича здесь явное преимущество. Он все-таки наблюдал «святую Русь» собственными глазами; вдобавок его наблюдения подтверждаются документальными свидетельствами.

Вот, например, строжайшее наставление из московитских школьных прописей. «Если спросят тебя, знаешь ли философию, от-

² М.В. Назаров. Тайна России, М., 1999, с. 488.

³ Н.А. Нарочницкая. Россия и русские в мировой политике, М., 2002, с. 130.

⁴ М. В. Назаров. Цит. соч., с. 487.

⁵ Ю. Крижанич. Политика, М., 1967, с. 491.

вечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах». «Не текох и не бывах» добавлялось, поскольку «богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию, а се — душевные грехи — учиться астрономии и еллинским книгам».⁶ Мудрено ли, что оракулом Московии в космографии считался Кузьма Индикоплов, египетский монах VI века, полагавший землю четырехугольной? И это в эпоху Ньютона — после Коперника, Кеплера и Галилея!..

Но, конечно, картина этой деградации отечественной культуры будет неполной, если не упомянуть, что именно Московии обязана Россия самыми страшными своими национальными бедами, преследовавшими ее на протяжении столетий, — крестьянским рабством, самодержавием и империей.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

«Московитская болезнь»

Право, трудно не согласиться с Константином Леонтьевым, находившим в Московии лишь «бесцветность и пустоту».⁷ Или с Виссарионом Белинским, называвшим ее порядки «китаизмом»,⁸ в «удушливой атмосфере которого, — добавлял Николай Бердяев, — угасла даже святость».⁹ Ведь и главный идеолог славянофильства Иван Киреевский не отрицал, что Московия пребывала «в оцепенении духовной деятельности».¹⁰ Но окончательный диагноз «московитской болезни», неожиданно поразившей Россию как раз в пору расцвета европейской культуры, поставил, конечно, самый авторитетный из этого консилиума знаменитых имен историк Василий Осипович Ключевский.

Вот его вывод: недуг, которым на многие десятилетия захворала в XVII веке Россия, называется «затмение вселенской идеей».¹¹ «Орга-

⁶ В.О. Ключевский. Сочинения, т.3, с. 296.

⁷ К.Н. Леонтьев. Собр. соч. в 12 томах, М., 1912, т. 5, с. 116.

⁸ В.Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, М., 1948, т. 3, с. 713.

⁹ Н.А. Бердяев. Русская идея, М., 1997, с. 6.

¹⁰ Сочинения И.В. Киреевского, М., 1861, т.1, с. 75.

¹¹ В.О. Ключевский. Цит. соч., с. 294.

нический порок древнерусского церковного общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание божества исключительно правильным, творца вселенной представляла своим русским богом, никому более не принадлежащим и неведомым».¹² Другими словами, *противопоставило себя христианской Европе* — и в результате утратило «средства самоисправления и даже самые побуждения к нему».¹³ Если суммировать диагноз Ключевского в одной фразе, звучал бы он примерно так: на три поколения Россия как бы выпала из истории, провалилась в историческое небытие.

А христианский мир, что ж? Он относился тогда к экстремальному фундаментализму Московии так же, примерно, как в наше время относился мир мусульманский, скажем, к талибскому Афганистану, — со смесью презрения и ужаса. Талибы ведь тоже принесли своей стране «московитскую болезнь» и тоже объявили себя единственными истинно правоверными в мире. Разве что собственного афганского Аллаха не удосужились изобрести. Или не успели. Так или иначе, вот уж кто мог бы с гордостью повторить, лишь чуть-чуть перефразируя, похвальбу Назарова. Ведь и впрямь афганский быт стал тогда настолько исламским, что в нем невозможно было отделить труд и отдых от богослужения и веры.

При всём том никому в здравом уме не пришло бы в голову объявить талибский Афганистан «историософской столицей мира». И тем более утверждать, что он прошел «колоссальный путь всестороннего развития».

И подумать только, что именно в московитском историческом несчастье видят сегодняшние мифотворцы не только высший расцвет русской культуры, но и *прообраз будущего страны!*

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

«Микроархетипы»

И тем не менее видят. Более того, успешно рекрутируют в свои ряды новых пропагандистов. Даже из числа ученых либералов. Один из них, В.А. Найшуль, заявил в интервью популярной га-

¹² Там же, с. 297.

¹³ Там же, с. 296.

зете в марте 2000 года, будто «карты ложатся так, что мы можем [снова] жить на Святой Руси».¹⁴ Очевидно, что связывал он осуществление своей мечты с президентством Путина, который, как Найшуль, по-видимому, совершенно серьезно надеялся, должен был посвятить себя возрождению Православия, Самодержавия и Народности.

Православие императивно, рассуждал Найшуль, как единственно возможный в России «источник общенациональных нравственных норм».¹⁵ Самодержавие — потому что «в русской государственности в руки одного человека, которого мы условно назовем Автократором [самодержцем по-русски], *передается полный объем государственной ответственности и власти*, так что не существует властного органа, который мог бы составить ему конкуренцию».¹⁶ Народность, наконец, следует возродить в виде неких «микроархетипов, обеспечивающих народной энергией» оба других ингредиента этой «святорусской» триады.

Причем именно тех «микроархетипов», которыми «*так богата [была] доимперская Русь*».¹⁷ Короче, смысл всего дела сводится у Найшуля к тому, что только на московитском «ценностном языке и придется общаться с народом, чтобы решать современные государственные задачи».¹⁸

Иначе говоря, история не властна над Россией. Над другими властна, а над нами нет. Как были мы в XVII веке «косны разумом», если верить Крижаничу, и «полунемы», так полунемы должны мы оставаться и в XXI-м. И Европа с ее «идеей прогресса» и богопротивной геометрией нам не указ. Мы по-прежнему «еллинских борзостей не текох». И не собираемся...

¹⁴ В.А. Найшуль. Рубеж двух эпох // Время МН, 2000, 6 марта.

¹⁵ Западники и националисты: возможен ли диалог? М., ОГИ, 2003, с. 353 (далее — Диалог).

¹⁶ В.А. Найшуль. О нормах современной русской государственности // Сегодня, 1996, 23 мая.

¹⁷ Диалог, с. 353.

¹⁸ Там же (курсив везде Найшуля).

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Индустрия мифотворчества

И Найшуль, увы, не единственный из новобранцев, кому дорог центральный миф врагов открытого общества. На самом деле миф этот на глазах становится модным в сегодняшней российской элите. Более того, превращается в инструмент политической борьбы. Вот свидетельство той же Н.А. Нарочницкой: «Мои идеи, которые в 1993–1996 годах можно было поместить только в „Наш современник“... теперь идут нарасхват везде и во всех ведомствах вплоть до самых высоких. Пожалуйста, моя книга „Россия и русские в мировой политике“ — антилиберальная и антизападная бомба, но разбирают все — не только оппозиционеры, но и бизнесмены, профессора и высокопоставленные сотрудники».¹⁹

Похоже, что, наряду с товарным, в стране возник рынок мифов, оправдывающих несвободу. И поскольку спрос порождает предложение, создается своего рода индустрия мифотворчества, занятая серийным воскрешением старых мифов (та же книга Нарочницкой, в частности, сплошь состоит из них). Вот вам еще один труженик этой индустрии — Станислав Белковский, тоже, конечно, либерал-расстрига, как и Найшуль, в прошлом близкий сотрудник Б.А. Березовского, а ныне президент Института национальной стратегии.

В отличие, однако, от Найшуля, Белковский — никакой не ученый и о русской истории ничего, кроме старых мифов, подслушанных у Нарочницкой, не знает. Зато он талантливый политический манипулятор и отлично знает, в чьи паруса в каждый исторический момент дует ветер. И, конечно, неспроста столь свирепо обрушился он в газете *Moscow Times* на Послание президента Федеральному собранию 2004, обвинив его в самом страшном, с точки зрения мифотворца, грехе: «Путин прямо заявил своим избирателям, чтоб оставили все надежды. Он не тот, за кого они его принимали, не борец за Православие, Самодержавие и Народность».

Дальше Белковский расшифровывает этот странный упрек: «Путин практически отрекся от патернализма, господствовавшего на

¹⁹ Завтра, 2003, 25 июня.

этой земле со времен Киевской Руси. Государство, дал он понять своим слушателям, больше не будет отцом и матерью своим подданным». Впрочем, «в остальном, — продолжал Белковский, — это была скучная и рутинная речь. Важно в ней лишь то, что Путин бросил вызов тысячелетней традиции доброго царя, заботящегося о своем народе, который отвечает ему преданностью, смирением и кротостью... Сознательно или бессознательно Путин дал понять аудитории, что получил мандат на отказ от русской истории». И если этого мало, то вот кое-что и похуже: «Путин забыл, что был избран народом, чтобы сразить гидру капитализма».²⁰

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Вторая проверка историей

Согласно нашим мифотворцам, важнейшей частью Русского проекта (как называют они возврат к Московии) является «возрождение Российской империи как геополитического субъекта, способного сыграть решающую роль в борьбе против глобального господства антихристианских сил» (Белковский), не говоря уже о том, что «Россия всегда империя» (Проханов). И судьба ее, конечно, принципиально неевропейская. Тем более что Европа уже и «не способна на выработку собственной исторической стратегии». Другое дело наше московитское отечество, где «православное возрождение неизбежно укрепило бы российское великодержавие и сделало бы Россию альтернативой либеральной глобализации мира (Нарочницкая). Жаль только, что никто из них так и не собрался рассказать читателям о судьбе своих предшественников. О том, например, как всего лишь полтора столетия назад попытался повторить опыт Московии Николай I. Именно в его царствование университеты оказались, по сути, превращены в богословские заведения и создана окончательная идеологическая аранжировка Русского проекта. И, по словам известного историка А.Е. Преснякова, именно это царствование стало «золотым веком русского национализма, когда Россия и Европа сознательно противопоставлялись как два различ-

ных культурных мира, принципиально разных по основам их политического, религиозного, национального быта и характера».²¹

Согласитесь, что выглядит это как воплощенная мечта Нарочницкой. Я не говорю уже, что могущественная Российская империя действительно играла в ту пору решающую роль в борьбе против «антихристианских сил», даже крестовый поход объявила против «гнусного ислама», говоря словами современницы событий А.Ф. Тютчевой. И спрашивала тогда Анна Федоровна: «Неужели правда, что Россия призвана воплотить великую идею *всемирной* христианской империи, о которой мечтали Карл V и Наполеон?»²² И М.П. Погодин уверенно отвечал на этот дерзкий вопрос: «Русский государь теперь ближе Карла V и Наполеона к их мечте об универсальной империи. Да, будущая судьба мира зависит от России... Она может все — чего же более?»²³

И заветная мечта о том, чтобы «латинская Европа на карте смотрелась довеском Евразии, соскальзывающим в Атлантический океан»,²⁴ тоже, казалось, была близка к осуществлению. Во всяком случае, если верить приговору Европе, который вынес один из самых известных тогдашних мифотворцев С.П. Шевырев. Вот этот приговор: «В наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы имеем дело с человеком, несущим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся... — и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира *будущего трупа, которым он уже пахнет*».²⁵

Это из статьи «*Взгляд русского на просвещение Европы*» в первом номере журнала «*Москвитянин*» (тогдашнего аналога «*Наше-го современника*»). Из статьи, которая, совсем как книга Нарочницкой, тоже стала «антилиберальной и антизападной бомбой» и была, если верить М.П. Погодину, мгновенно расхватана «высокопоставленными сотрудниками» николаевской империи. Вот что писал автору из Петербурга Погодин: «Такой эффект произведен в высшем

²¹ А.Е. Пресняков. Апогей самодержавия, Л., 1925, с. 15.

²² А.Ф. Тютчева. Воспоминания, М., 2002, с. 70 (выделено мной. — А.Я.)

²³ М.П. Погодин. Историко-политические письма и записки, М., 1874, с. 12.

²⁴ Н.А. Нарочницкая. Цит. соч., с. 183.

²⁵ Москвитянин. 1841, № 1, с. 247 (выделено мной. — А.Я.)

²⁰ Moscow Times, 2004, May, 27

кругу, что чудо. Все в восхищении и читают наперерыв... Твоя „Европа“ сводит с ума». ²⁶ Все это, не забудем, в 1841 году!

Чего еще, кажется, оставалось желать предшественникам наших мифотворцев? В их распоряжении было все. И «православное возрождение». И «великодержавие», доходящее до претензии на мировое господство. И заживо похороненная ими Европа. И Россия как «альтернатива либеральному миру». И даже строжайшее предписание самого высокопоставленного из тогдашних «высокопоставленных сотрудников», как надлежит писать русскую историю. Напомню, если кто забыл: «Прошлое России прекрасно, настоящее великолепно, а будущее выше того, что может представить себе человеческое воображение. Вот тот угол зрения, под каким должна писаться русская история России». Все, одним словом, о чем пока лишь мечтают их сегодняшние наследники. Разве что найшулевских «микроархетипов» не хватало.

И чем кончилось? Не крымской ли катастрофой? Не унижительной ли капитуляцией перед этим самым «пахнувшим трупом» либеральным миром? Иначе говоря, даже при самых благоприятных, казалось бы, условиях кончилась мечта мифотворцев постыдным конфузом для отечества. Так какая же цена после этого всем их мифам?

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Новые головы дракона

Так или иначе, понятно одно: не избавившись раз и навсегда от индустрии мифотворчества, Россия просто не сможет твердо и необратимо стать на путь европейской (а это значит, конечно, не только хозяйственной, но и политической) модернизации. Грозным уроком для всех, кто сомневался в этом в XIX веке, стал октябрь 1917-го, когда, вопреки всем прогнозам, совершила вдруг страна еще один головокружительный вираж и опять, в третий раз в своей истории, противопоставила себя Европе. Надо ли напоминать, что закончился этот вираж точно так же, как московитский и николаевский, — историческим тупиком и «духовным оцепенением»?

²⁶ А.Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики 1840-50 гг., М.-Л., 1951, с. 187-188.

Но даже вполне осознав опасность мифотворчества, знаем ли мы, как от него избавиться? Я бросил ему вызов в первой книге трилогии и сражался, как увидит читатель, с куда более серьезными противниками, чем Нарочницкая или Белковский. И, по крайней мере, некоторые из самых опасных мифов, льщу себя надеждой, опроверг. Но ведь они, как сказочный дракон, тотчас отращивают на месте отрубленной головы новую. Читатель мог только что наблюдать один из таких случаев собственными глазами. Николаевская Народность состояла, согласно изданному по высочайшему повелению прескрипту министра народного просвещения, «в беспредельной преданности и повиновении самодержавию». ²⁷ Столь откровенно холопская формулировка могла бы устроить разве что Нарочницкую. Рафинированного интеллектуала, как Найшуль, от нее, надо полагать, тошнит.

Что сделал он по этому поводу, мы видели. На месте архаической Народности возникли вдруг вполне современные «ценностной язык» и «микроархетипы доимперской Руси». Что именно должны они означать и чем отличаются от беспредельной преданности самодержавию, нам не объясняют. Подразумевается, конечно, нечто высокоученое и оригинальное. На самом же деле перед нами все тот же старый дракон, пытающийся отрастить новую голову на месте отрубленной. Читатель увидит в первой книге трилогии, что повторится эта фантазмагория еще много раз. Так как же, скажите, с этим бороться?

В конце концов, даже Поппер должен был признать, что воевать с каждым отдельным мифом врагов открытого общества ему не под силу и ограничился опровержением мифов Платона и Маркса. Но, с другой стороны, если не бороться с каждой новой ипостасью неукротимо возрождающихся мифов, то какой тогда вообще в мифоборчестве смысл?

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

«Целина, ждущая плуга»

Станным образом навела меня на возможное решение этой, казалось бы, неразрешимой проблемы (да и то не сразу, но лишь во второй книге трилогии, трактующей именно николаевскую имитацию Московии в 1825–1855 гг.) знаменитая жа-

²⁷ А.В. Никитенко. Дневник в трех томах, М., 1951, т. 1, с. 266.

лоба Георгия Петровича Федотова на то, что «национальный канон, установленный в XIX веке, явно себя исчерпал. Его эвристическая и конструктивная ценность ничтожны. Он давно уже звучит фальшью, а другой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи».²⁸

Понять печаль Федотова, самого, пожалуй, пронизательного из эмигрантских мыслителей, легко. В годы расцвета российской историографии, в постниколаевской России, серьезные историки, все как один русские европейцы (славянофилы так и не создали обобщающего исторического труда), исходили из одного и того же постулата. Звучал он примерно так: Петр навсегда повернул русскую жизнь на европейские рельсы. И после того как великий император «отрекся, — по выражению Чаадаева, — от старой России, вырыл пропасть между нашим Прошлым и нашим настоящим и грудой бросил туда все наши предания»;²⁹ никакая сила больше не сможет поставить страну снова противопоставить себя Европе. Возможность еще одного повторения Московии и в голову этим историкам не приходила. Даже николаевское царствование выглядело в свете этого «канона» всего лишь досадным эпизодом, своего рода последним арьергардным боем допетровской России. И Великая реформа Александра II, немедленно за ним последовавшая, еще раз, казалось, подтверждала постниколаевский консенсус историков: Россия движется в Европу, пусть с запозданием, но необратимо. В том-то, между прочим, и состоял смысл «национального канона», как выражались во времена Федотова (или, говоря современным научным языком, парадигмы национальной истории), что он позволял, полагали тогда историки, предсказывать будущее. Накануне 1917-го будущее России казалось им predetermined.

А потом грянул гром. И «канон» рухнул — вместе со всеми основанными на нем предсказаниями. И заменить его оказалось нечем. Удивительно ли, если заключил из этого Федотов, что «наша история снова лежит перед нами как целина, ждущая плуга»?³⁰

²⁸ Г.П. Федотов. Судьба и грехи России. Спб., 1991, с.27.

²⁹ П.Я. Чаадаев. Философические письма, Ардис, 1978, с. 81.

³⁰ Г.П. Федотов. Цит. соч., с. 27.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Обманутые мифотворцами

Мы уже знаем, что вместо новой парадигмы русской истории, которой следовало на этой целине вырасти, на обломках старого «канона», в интеллектуальном вакууме, образовавшемся на месте его крушения, вырос гигантский чертополох мифов. И что, спрашивается, с этим делать? Выпалывать каждый из них по отдельности заведомо, как выяснилось, невозможно. Однако, надеялся Федотов, есть альтернатива. А именно — попытаться создать новую парадигму, способную элиминировать весь мифологический чертополох сразу. «Вполне мыслима, — обещал он будущим историкам, — новая национальная схема», если только начать *заново* «кизучать историю России, любовно вглядываться в ее черты, вырывать в ее земле закопанные клады».³¹

В принципе, спора нет, такая «схема» мыслима. Но есть ли сегодня в обществе силы, жизненно заинтересованные в генеральной расчистке территории русского прошлого? Попросту говоря, кому сейчас в России нужна историческая правда? Не все же, в конце концов, в стране московитские мифотворцы. Есть ведь и либеральная интеллигенция. Ну вот и спросите хотя бы Г.А. Явлинского, почему столь разочаровывающе кончился замечательный либеральный энтузиазм конца 1980-х. И ответит он вам, увы, совершенно в духе Белковского: «За нами тысяча лет тоталитаризма, а вы хотите, чтобы за какие-нибудь 15 лет все коренным образом изменилось?»

Разница лишь в том, что Явлинскому тоталитаризм омерзительен, а Белковский подобострастно именуется «тысячелетней традицией доброго царя». В том, однако, что прошлое России было монотонно антилиберальным и антиевропейским, сомнений, оказывается, нет ни у того, ни у другого. И это очень похоже на окончательную капитуляцию перед мифотворцами. У Белковского, естественно, проблемы с этим нет. Проблема у Явлинского. Поскольку, не переводя дыхания, сообщит он вам, что абсолютно уверен: лет через 25 в России непременно восторжествует европейская демократия.

³¹ Там же, с. 66.

Мудрено ли, что большинство ему не верит? Не верит, поскольку здравый смысл не оставляет сомнений, что леопард пятен не меняет, что деревья без корней не растут. И Серый Волк, как правило, доброй бабушкой не оборачивается. По какой же тогда, спрашивается, причине произойдет это чудо в России? А по той, объяснит скептическому большинству либерал, что так устроен современный мир в XXI веке. Согласитесь, что ответ, мягко выражаясь, не убедительный.

Просто потому, что Китай, если взять хоть один пример, тоже ведь часть современного мира, а движется тем не менее не к демократии, а, скорее, в противоположном направлении, т. е. к агрессивному националистическому авторитаризму. Говорить ли о мире мусульманском, где некоторые страны, похоже, и вовсе движутся к Средневековью? Короче, очень быстро выясняется, что под «современным миром» поверивший мифотворцам либерал имеет на самом деле в виду Европу. Ту самую, между прочим, Европу, у которой, если верить мифотворцам, нет с Россией ровно ничего общего.

Вот тут и возникает главный вопрос: с какой, собственно, стати должны мы вообще слушать мифотворцев? Что они, в конце концов, знают о русской истории, кроме собственных мифов? Если уж на то пошло, я готов поручиться: когда читатель закрывает последнюю страницу этой трилогии, у него не останется ни малейших сомнений, что либеральные, европейские корни ничуть не менее глубоки в русской политической культуре, чем патерналистские. Порою глубже. И лишь безграничным, почти неправдоподобным пренебрежением к отечественной истории можно объяснить то странное обстоятельство, что значительное большинство либеральных политиков позволило мифотворцам так жестоко себя обмануть.

Речь, естественно, не только об оппозиционных либералах, как Явлинский, но и о правительственных либеральных экономистах, не имеющих, как и он, ни малейшего понятия о том, что представления о прошлом страны влияют на ее будущее ничуть не меньше, нежели экономика. И, пренебрегая ими в суесть своих административных забот, ставят они под вопрос главное: *кто и для какой цели использует результаты их хозяйственных достижений?*

Точно такую же ошибку сделал в свое время Сергей Юльевич Витте. И пришлось ему еще собственными глазами увидеть в июле 1914-

го, как прахом пошли все плоды его титанических усилий в 1890-е вытащить Россию из экономической дыры. Почему пошли они прахом? Да по той же причине: история представлялась ему столь несущественной по сравнению с громадой текущих финансовых и административных задач, что так и не догадался он спросить самого себя, для кого и для чего работает. Увы, ничему, как видим, не научила роковая ошибка Витте сегодняшних экономических либералов.

Именно это обстоятельство, однако, делает альтернативу, предложенную Федотовым, неотразимо соблазнительной для историка. И кроме того, с чего-то же должна начинаться война за освобождение территории русского прошлого, оккупированной новой ордой мифотворцев. Тем более что стала бы она и войной за освобождение молодых умов от московитского морока. И с момента, когда я это понял, у меня, как и у любого серьезного историка России, просто не было выбора. Кто-то ведь должен ответить на вызов Федотова.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Ключевое событие

А теперь о том, чего ожидал Федотов от «новой национальной схемы». Естественно, прежде всего, чтобы она объяснила все те странности русской истории, что не вписывались в старую. И в особенности самую важную из них: почему периодически, как ему уже было ясно, швыряет Россию — от движения к европейской модернизации к московитскому тупику и обратно? Откуда этот гигантский исторический маятник, раскачивающий страну с самого XVI века? И почему так и не сумела она остановить его за пять столетий?

Для Федотова, разумеется, решающим свидетельством этой необъяснимой, на первый взгляд, странности был 1917-й. Но замечательная плеяда советских историков 1960-х (А.А. Зимин, С.О. Шмидт, А.И. Копанев, Н.Е. Носов, С.М. Каштанов, С.Я. Лурье, Н.А. Казакова, Д.П. Маковский, Г.Н. Моисеева, Ю.К. Бегунов) обнаружила в архивах, во многих случаях провинциальных, непроверяемые документальные свидетельства, что 1917-й вовсе не был первой в России катастрофой европейской модернизации. Эти ученые поистине сделали именно то, что завещал нам Федотов: начав заново изучать ис-

торию России, они и впрямь нашли в ее земле «закопанные клады». Вот что они обнаружили.

Оказалось, что переворот Ивана IV в 1560 году, установивший в России самодержавие и положивший начало великой Смуте, а следовательно, и московитскому фундаментализму, был не менее, а может быть и более жестокой, чем 1917-й, патерналистской реакцией на вполне по тем временам либеральную эру модернизации, которую в первой книге трилогии назвал я европейским столетием России (1480–1560 гг.). Да и николаевская имитация Московии переставала в этом контексте казаться случайным эпизодом русской истории, а выглядела скорее мрачным предзнаменованием того же 1917-го. Один уже факт, что идейное наследие этого «эпизода» преградило России путь к преобразованию в конституционную монархию (единственную форму, в которой только и могла сохраниться в современном мире монархия), заставляет рассматривать николаевскую имитацию Московии как *ключевое событие русской истории в Новое время*. Достаточно вернуть его в контекст всего послепетровского периода, чтобы в этом не осталось сомнений.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Третья

стратегия

Для Петра, вытаскивавшего страну из исторического тупика, выбор был прост: Московия или Европа. На одной стороне стояли «духовное оцепенение» и средневековые суеверия, на другой — нормальное движение истории, где те же богопротивные геометрия и философия привели каким-то образом к появлению многих неслыханных в «полунемой» Московии и необходимых для отечества вещей — от мощных фрегатов до телескопов и носовых платков. Для Петра это был выбор без выбора. Европейское просвещение, как он его понимал, стало после него в России обязательным.

И ни один из наследовавших ему самодержцев до Николая I не смел уклониться от его европейской стратегии. С.М. Соловьев подтверждает: «Начиная от Петра и до Николая просвещение всегда было целью правительства... Век с четвертью толковали только

о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные последствия [московитского] невежества в суевериях».³²

Но европейское просвещение имело, как оказалось, последствия, не предвиденные Петром. «Он воспитывал мастеровых, — заметил по этому поводу один из замечательных эмигрантских писателей Владимир Вейдле, — а воспитал Державина и Пушкина».³³ А отсюда уже недалеко было до того, что «новое поколение, воспитанное под влиянием европейским», по выражению Пушкина,³⁴ совсем другими глазами посмотрело на московитское наследство, которое не добил Петр и которое даже укрепилось после него в России. Речь шла, естественно, о крестьянском рабстве и о патерналистском его гаранте — самодержавии.

И очень скоро поняло это новое поколение, что, если действительно суждено России идти по пути европейской модернизации (включавшей, как мы помним, не только военный и хозяйственный рост, но и гарантии от произвола власти), разрушению подлежали и эти бастионы Московии. Точнее всех сформулировал этот вывод второго европейского поколения России Герцен, когда сказал, что «в XIX столетии самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом».³⁵ Декабристы попытались воплотить этот вывод в жизнь. Выходило, короче говоря, что европейское просвещение неминуемо вело в России к европейской модернизации, а ориентированное на Европу самодержавие столь же неминуемо порождало своих могильщиков.

Вот почему потребовалось Николаю уничтожить эту петровскую ориентацию страны. Он просто не видел другого способа сохранить оба средневековых бастиона Московии, как объявить преступлением само европейское просвещение. Я не преувеличиваю. Я лишь повторяю известные слова Сергея Михайловича Соловьева, что при Николае «просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства».³⁶ Мы знаем, к чему это привело. Трид-

³² С.М. Соловьев. Мои записки для моих детей, а может быть, и для других. Спб., 1914, с. 118.

³³ В. Вейдле. Задача России, Нью-Йорк, 1956, с. 82.

³⁴ А.С. Пушкин. Полн. собр. соч., М., 1937-1959, т. 11, с. 14.

³⁵ А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, М., 1958, т. 7, с. 142.

³⁶ С.М. Соловьев. Цит. соч., с. 118.

цать лет спустя Европа буквально вынудила Россию громом своих скорострельных пушек реабилитировать европейское просвещение и отказаться от одного из главных переживших Петра бастионов Московии — порабощения соотечественников.

Однако апологеты царя-освободителя почему-то не заметили, что его Великая реформа была еще и великим Гамбитом. Ибо пожертвовал он крепостным правом между прочим и для сохранения последнего уцелевшего бастиона Московии — гегемонии государства над обществом (в чем, собственно, и состоял смысл самодержавия). И с момента этого Гамбита кончилась для правительства России петровская простота стратегического выбора. Отныне к петровской альтернативе — Европа или Московия — прибавилась сознательная попытка *совместить* европейскую риторику и имитацию европейских учреждений с московитским самодержавием.

Правительство опять открыло страну для европейского просвещения — и Россия благодарно ответила на это небывалым расцветом культуры. Оно допустило европейские реформы. Единственное, чего допустить оно не могло, это европейскую модернизацию. Другими словами, гарантии от произвола власти. Сохранение московитского самодержавия стало для него последним рубежом, дальше которого отступать оно не желало. Дело дошло до того, что даже в 1906 году, после революции и введения Основного закона империи, последний император настоял на том, чтобы и в нем, в конституционном документе, именоваться самодержцем.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Искаленная элита

Можно, конечно, предположить, что, откажись постниколаевский режим в 1861 году от своего хитрого гамбита, согласись Александр II созвать совещательное собрание представителей общества не в 1881 году (в день цареубийства), а за двадцать лет до этого, как требовала либеральная оппозиция, результат мог быть совсем иным. Во всяком случае, не было бы ни террора, ни цареубийства. Представительные учреждения успели бы к 1917 году пустить в стране корни, общество, как повсюду в Европе, сломало бы гегемонию государства — и реставрация Московии на обломках самодержавия оказалась бы невозможной.

Но это все — знаменитое сослагательное наклонение, и учиться на таких ошибках могут лишь последующие поколения. По настоящему интересный вопрос: почему царь-освободитель ничего этого не сделал? Ведь, в конце концов, он был племянником Александра I, для которого самодержавие отнюдь не было священной короной и который незадолго до своей смерти даже сказал, как мы помним, одному из домашних, «перед кем, — по словам М.Н. Покровского, — не нужно и не интересно было рисоваться: „Что бы обо мне ни говорили, но я жил и умру республиканцем“».³⁷

Так или иначе, слова «республика» и «конституция» вовсе не были в России до Николая синонимами мятежа и государственной измены. Они стали такими *после Николая*, который не мог представить себе Россию без самодержавия и которому, как впоследствии Константину Леонтьеву, просто «не нужна была Россия несамодержавная».³⁸ К сожалению, Александр Николаевич нисколько не походил на своего дядю, Александра I и слишком хорошо усвоил самодержавный фанатизм отца. Потому и не сделал в 1861 году то, чего властно требовало время.

Еще хуже было, что Николай воспитал в этом духе не только своих сыновей, но и всех тех, кто их окружал, тогдашнюю российскую элиту, *психологически искаленную* николаевским царствованием, как впоследствии признавался А.В. Головин, министр народного просвещения в правительстве «молодых реформаторов» в 1860-е.³⁹ Отныне само слово «конституция» стало для этой «искаленной» элиты равносильно измене отечеству. И это в момент, когда даже самые консервативные из великих держав Европы — и Германия, и Австро-Венгрия, и даже на время Оттоманская империя — уже были конституционными монархиями. Одна Россия, опять противопоставляя себя Европе, держалась за «сакральное» самодержавие как за талисман, обрекая таким образом на гибель и династию, и элиту.

Вот и судите после этого, была ли николаевская «Московия» всего лишь досадным эпизодом русской истории Нового времени.

³⁷ История России в XIX веке, М., 1906, вып. 1, с. 33.

³⁸ К.Н. Леонтьев. Цит. соч., т.7, с. 207.

³⁹ Cited in B. Lincoln. In the Vanguard of Reform, Northern Illinois Univ. Press, 1982, p.85.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

«Новая национальная схема»?

Так или иначе, лишь окинув свежим взглядом историю николаевской России, понял я, наконец, что, собственно, все это время делал, борясь с мифами. В действительности с самого начала пытался я осуществить завет Федотова, разглядеть во мгле прошлого очертания новой парадигмы русской истории. Помните его жалобу: «нет архитектора, нет плана, нет идеи»? Идея, по крайней мере теперь, есть. И стоит она, коротко говоря, в следующем.

Не может быть сомнения, что Россия способна к европейской модернизации. Она вполне убедительно это продемонстрировала уже на самой заре своего государственного существования. Тогда, всего лишь через два поколения после Ивана III, ее либеральная элита добилась Великой реформы 1550-х, заменившей феодальные «кормления» вполне европейским местным самоуправлением и судом присяжных. И включив в Судебник 1550 года знаменитый впоследствии пункт 98, юридически запрещавший царю принимать новые законы единолично. Имея в виду, что тогдашняя Россия была еще докрепостнической, досамодержавной и доимперской, одним словом, домосковитской, эти грандиозные реформы имеют, согласитесь, не меньшее право называться великими, нежели та компромиссная, что лишь наполовину раскрепостила страну в 1861-м.

И снова потребовалось России лишь два поколения после Екатерины, чтобы вырастить вполне европейскую декабристскую контрэлиту, рискнувшую своей вполне благополучной жизнью ради освобождения крестьян и учреждения конституционной монархии. И говорю я здесь о целых *поколениях* серьезных европейских реформаторов России, для истребления которых понадобились умопомрачительная жестокость опричнины в XVI веке и имитация Московии в XIX-м. А ведь и после этого потрясала Россию серия пусть кратковременных, но массовых, поистине всенародных либеральных движений — и в октябре 1905-го, когда страна добилась наконец созыва общенационального представительства, и в феврале 1917-го, когда избавилась она от «сакрального» самодержавия, и в августе 1991-го, когда разгромлена была последняя попытка сохранить империю. Все это не оставляет со-

мнений, что Европа — не чужая для России «этноцивилизационная платформа», как утверждают мифотворцы; Европа — внутри России.

С другой стороны, однако, европейские поколения были все-таки истреблены и либеральные вспышки погашены, этого ведь тоже со счетов не сбросишь. Нужно ли более очевидное доказательство, что, наряду со способностью к европейской модернизации, способна Россия и к патерналистской реакции? Иначе говоря, любое продвижение к гарантиям от произвола власти неминуемо ведет здесь к мобилизации патерналистских элит и к их *повторяющимся* контрнаступлениям. Кончается дело тем, что страна опять и опять впадает в «духовное оцепенение»? Короче, если что-нибудь и впрямь отличает ее прошлое от истории остальной Европы, это именно способность *повторять* свои «выпадения» из этой истории.

А это с несомненностью указывает, что в самой основе русской политической культуры *не одна, а две* одинаково древние и легитимные традиции — европейская и патерналистская. И непримиримая их борьба исключает в России общенациональный консенсус относительно базовых ценностей, на котором покоится современная европейская цивилизация (какие следуют из этой фундаментальной двойственности политические выводы подробно обсуждено в трилогии). Более того, это исключает способность к *самопроизвольной* модернизации, которой, собственно, и отличается европейская политическая культура от всех других.

Лидер неизбежно оказывается здесь в позиции арбитра между элитами. Вот хотя бы один пример. Не будь Александр II отравлен николаевским идейным наследством и стань он в 1855 году на сторону либеральных элит, «русская история приняла бы совсем другой вид», говоря словами Бориса Николаевича Чичерина, сказанными по другому поводу (в связи с конституцией Михаила Салтыкова 1610 года).

Вот так в самой сжатой форме, кажется мне, могла бы выглядеть та «новая национальная схема», которую искал Федотов. В отличие от старой, она не пророчествует. Она лишь ставит граждан страны, ее элиты и ее лидеров *перед выбором*. Они могут либо продолжать вести себя так, словно эта опасная двойственность российской политической культуры их не касается, как вела себя, допустим, постниколаевская элита, либо признать, что на исторических перекрестках страна действительно уязвима для попятного движе-

ния. И что именно это обстоятельство делает ее поведение *непредсказуемым* — не только для соседей, но и для самой себя.

В первом случае читая эту трилогию, нельзя упускать из виду вынесенные в эпиграф прощальные слова В.О. Ключевского. Ибо как раз они напомнили России накануне ее очередного «выпадения» из истории, что учит эта история «даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает за невежество и пренебрежение». Грозное заключение историка, столь драматически подтвержденное уже несколько лет спустя гибелью постниколаевской элиты, должно было бы стать одиннадцатой заповедью Моисея для тех, от кого зависит будущее страны.

Во втором случае пришла пора серьезно задуматься над тем, как эту попятную тенденцию раз и навсегда заблокировать. Более того, рассматривать такую блокаду как первостепенную государственную задачу.

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Вопросы Само собой разумеется, что всякая новая парадигма ставит перед историком ничуть не меньше вопросов, нежели старая. Главных среди них два. И касаются они, естественно, начальной и современной точек исторического спектра. Во-первых, требуется объяснить, откуда оно взялось, это странное сосуществование в политической культуре одной страны двух напрочь отрицающих друг друга традиций. Разумеется, консерваторы и либералы есть в любом европейском государстве. Но где еще, кроме России, приводило их соперничество к *повторяющимся* попыткам противопоставить себя Европе? Где еще сопровождалась эти попытки «духовным оцепенением», охватывавшим страну на десятилетия? Короче, понять происхождение такой экстремальной поляризации императивно для новой парадигмы. Первую книгу трилогии я не только начал с этого вопроса, но и попытался на него ответить.

Второй вопрос если не более важный, то более насущный. В отличие от первого, академического, он актуальный, мучающий сегодня моих соотечественников. Для подавляющего большинства из них это даже не вопрос о свободе, но лишь о том, возможна ли в России «нормальная» (подразумевается европейская) жизнь — без произвола чиновников, без нищеты, без страха перед завтрашним днем. И если возможна, то как ее добиться?

Для историка, который принял предложенную здесь парадигму, ответ на второй вопрос прост, поскольку прямо вытекает из первого. «Нормальная» жизнь наступит в России не раньше, чем она избавится от двойственности своих исторических традиций. Другими словами, когда, подобно обеим бывшим европейским сверхдержавам Франции и Германии, станет одной из «нормальных», т.е. способных к общенациональному консенсусу великих держав Европы. В конце концов ни одной из них не была эта способность дана, если можно так выразиться, от века. Можно сказать, что Франция, допустим, обрела ее не раньше 1871 года, а Германия так и вовсе не раньше 1945-го. Другое дело, что в силу накопившейся за столетия гражданской отсталости для России это в XXI веке подразумевает

СМЫСЛ ТРИЛОГИИ:
Размышления автора

Императив сознательного выбора

Мы видели, что обе стратегии, примененные патерналистскими правительствами с целью остановить европейскую модернизацию России, кончились катастрофически. Например, попытки наглухо отрезать страну от европейского просвещения, как в излюбленной мифотворцами Московии или при Николае, были в конечном счете сметены грандиозными реформами и остались в истории как символы невежества и суеверия. А попытка совместить европейскую риторику и имитировать европейские учреждения с гегемонией государства над обществом, как в постниколаевской России, кончилась революцией и гибелью патерналистской элиты. Но в то же время видели мы, что и оба Европейских проекта — Ивана III и Екатерины — привели в конечном счете лишь к той же мобилизации патерналистских элит и к самодержавной реакции, насильственно подавившей европейскую модернизацию. Похоже на заколдованный круг, не так ли?

Выход из него, я думаю, в том, чтобы присмотреться к *качеству* обоих предшествовавших Европейских проектов. В конечном счете состоял их смысл, как мы видели, просто в том, чтобы не мешать европейскому просвещению России. И оно, это просвещение, усваивалось бессознательно, делало свою работу стихийно, как Марксов

крот истории, постепенно избавляясь от московитского наследия. Другое дело, что крот истории роет медленно. Тем более что работа его все время перебивается попятными движениями.

Это правда, что ему удалось сокрушить почти все главные столпы Московии — православный фундаментализм в XVIII веке, крепостное право в XIX-м, самодержавие и империю в XX-м. Не забудем, однако, что понадобилось для этого три столетия, а работа все еще не закончена — опасность попятного движения остается. Короче, даже в самых благоприятных условиях стихийному процессу европеизации потребовались поколения, чтобы добиться чего-нибудь путного. Десятилетия нужны были, чтобы из зерна, посеянного Иваном III, выросла европейская когорта, осуществившая Великую реформу 1550-х. И декабристов от Екатерины тоже отделяли два поколения. Проблема в том, может ли сегодняшняя Россия (даже в случае, если не произойдет в ней очередного движения вспять) ждать европейской модернизации так долго?

Вот лишь несколько цифр. Италию всегда упоминают как самый яркий пример европейской страны с «отрицательным естественным приростом населения». Между тем на сто рождений приходится там 107 смертей. В России — 170. Самый высокий в Европе процент смертности от сердечных заболеваний у людей рабочего возраста (от 25 до 64 лет) в Ирландии. В России он в 4 раза (!) выше. Финляндия — страна с самым высоким в Европе уровнем смертности от отравления. В России он выше опять-таки на 400 %. Результат всех этих европейских рекордов поистине умопомрачительный: если молодых людей (в возрасте от 15 до 24 лет) было в России между 1975-м и 2000-м годом от 12 до 13 миллионов, то уже в 2025 году, т. е. одно поколение спустя, окажется их, по прогнозам ООН, лишь 6 миллионов!⁴⁰ Вот и судите теперь, может ли Россия ждать, пока сами собой вырастут в ней поколения, подобные реформаторам 1550-х или декабристам.

Нет слов, пережить столь драматическую потерю молодежи на протяжении одного поколения было бы жесточайшей трагедией для любого народа. Для России с ее необъятной Сибирью окажется эта потеря трагичной вдвойне. Ведь и у потерявшей половину своей мо-

лодежи страны территория останется прежней, только значительная ее часть опустеет. На этой вторичной, так сказать, национальной драме и сосредоточивается в своей последней, неожиданно дружелюбной, даже, если хотите, полной симпатии к России книге «Выбор» Збигнев Бжезинский. К сожалению, подчеркивает он, демографическая катастрофа в России совпадает с гигантским демографическим бумом в Китае, население которого уже в 2015 году достигнет полутора миллиардов человек.

Обращает он внимание и на то зловещее обстоятельство, что китайские школьники уже сегодня учатся географии по картам, на которых вся территория от Владивостока до Урала окрашена в национальные цвета их страны. Вот его заключение: «Имея в виду демографический упадок России и то, что происходит в Китае, ей нужна помощь, чтобы сохранить Сибирь... без помощи Запада Россия не может быть уверена, что сумеет ее удержать».⁴¹

Я намеренно не касаюсь здесь таких сложных и спорных сюжетов, как, допустим, способность (или неспособность) сегодняшней России ответить на вызов захлестнувшей мир глобализации. Говорю я лишь о самом простом, насущном и очевидном для всех вызове — демографическом, который, в сочетании с амбициями державного национализма в Китае (у них тоже есть свои Леонтьевы и Прохановы) неминуемо обернется смертельной угрозой для самого существования России как великой державы. А также, конечно, о том, что, оставаясь в плену «языческого особнячества», по выражению В.С. Соловьева, ответить на этот вызов не сможет она ни при каких обстоятельствах.

Так что же следует из этого рокового стечения угроз, настигших Россию в XXI веке? Похоже, главным образом два вывода. Во-первых, что на этот раз крот истории может и опоздать. Слишком много за спиной у страны «затмений вселенской идеи» и слишком дорого и долго она за них платила, чтобы положиться на стихийный процесс европеизации. А во-вторых, впервые в истории *сознательный выбор исторического пути* оказывается для русской истории-странницы буквально вопросом жизни и смерти. И шаги, которые нужны для этого, должны быть еще более драматическими, нежели шаг, сделанный Путиным после 11 сентября 2001 года.

⁴⁰ N. Eberhardt. The Emptying of Russia // Washington Post, 2004, Feb. 13.

⁴¹ Z. Brzezinski. The Choice, Global Domination or Global Leadership, NY, 2004, p. 103.

О том, какими именно могут быть эти шаги, говорил я, конечно, и в других книгах, но подробно обсудил в трилогии. Ибо дорого яичко ко Христову дню. Важно, чтобы читатель получил полное представление о том, чем могут закончиться московитские фантазии мифотворцев и начитавшихся Нарочницкой «высокопоставленных сотрудников» в не успевшей еще стать на ноги после советского «затмения» стране.

* * *

Я понимаю, что, может быть, и опоздал со своей трилогией, что слишком далеко уже зашло влияние мифотворцев. Тем более досадно это опоздание (если я и впрямь опоздал), что практически все элементы новой парадигмы русской истории уже и в моих предыдущих книгах присутствовали. И все-таки в цельную картину, в «новую национальную схему», о которой мечтал Федотов, элементы эти загадочным образом не складывались. Не складывались, покуда не ожила передо мной николаевская «Московия». В заключение позволю себе еще раз процитировать Поппера. «Мы могли бы стать хозяевами своей судьбы, — говорит он, — если перестали бы становиться в позу пророков».⁴² Как видит читатель, предложенная здесь новая парадигма и впрямь, в отличие от той, что рухнула в 1917-м, не предсказывает будущее России. Она лишь предлагает моральный и политический выбор — опасный и драматический для одних, страшный для других, но неминуемый для страны. И, конечно, объясняет, почему в еще большей степени, чем в 1855-м, зависит от этого выбора судьба России на много поколений вперед.

ЗАГАДКА НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ

*Россия так никогда и не наверстала
тридцать лет, потерянных
при Николае.*

Н.В. Рязановский

*Я не научился любить свою родину
с закрытыми глазами, с преклоненной
головой, с запертыми устами.
Я думаю, что время слепых
влюбленностей прошло,
что теперь мы прежде всего
обязаны отечеству
истиной.*

П.Я. Чаадаев

⁴² Karl R. Popper. Op. cit., p. 4.

*Те 25 лет, которые протекли
за 14 декабря, труднее поддаются
характеристике, чем вся эпоха,
следовавшая за Петром I.*

А.И. Герцен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вводная

ГЛАВА ВТОРАЯ	Московия, век XVII
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Метаморфоза Карамзина
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	«Процесс против рабства»
ГЛАВА ПЯТАЯ	Восточный вопрос
ГЛАВА ШЕСТАЯ	Рождение наполеоновского комплекса
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	Национальная идея

*Главный недостаток
этого царствования в том,
что все оно было ошибкой.*

А.В. Никитенко

В 1971 году в издательстве Принстонского университета вышло очередное издание книги маркиза де Кюстина о России при Николае I. Введение к ней написал знаменитый американский дипломат и историк Джордж Кеннан. Больше всего поразило меня в этом введении замечание Кеннана, что сталинский СССР, где служил он в начале 1950-х, неожиданно показался ему скверной копией России 1839-го, описанной Кюстином (хотя и оригинал, как знает читатель, выглядел не особенно привлекательно).

Прошло столетие, все, казалось бы, изменилось, над Кремлем развевалось красное, вместо трехцветного, знамя — и все-таки не мог Кеннан отделаться от ощущения, что не изменилось по сути ничего. Та же скрытность и подозрительность к остальному миру, та же всеильная бюрократия и та же всепроникающая идеология официальной народности, наглухо отрезавшая Россию от современного мира.¹

Мне кажется, что, доведись американскому историку прочитать еще и записки Михаила Петровича Погодина, одного из главных вдохновителей этой самой официальной народности, сходство, о котором говорил Кеннан, поразило бы его еще острее. Хотя бы по тому, что куртуазный французский аристократ, как говорится, в подметки не годился в качестве наблюдателя русской жизни московскому профессору из крепостных, который был человеком откровенности замечательной.

Конечно, суждение Погодина, которое я сейчас процитирую, относится ко времени Крымской войны, когда впервые после ливон-

¹ G.F. Kennan. The Marquis the Custine and His Russia in 1839. Princeton Univ. Press, 1971.

ской эпопеи Ивана Грозного Россия была поставлена на колени европейской коалицией. Погодин, по сути, каялся (не признаваясь, кажется, в этом даже самому себе) в горчайшей ошибке своей жизни. В том, что помог родиться монстру. И потому был он беспощаден: суждение его о николаевской России звучит для современного уха скорее как приговор. «Невежды славят ее тишину, но это тишина кладбища, гниющего и смердящего физически и нравственно... Рабы славят ее порядок, но такой порядок поведет ее не к счастью, не к славе, а в пропасть».²

Глава первая Вводная

Моя

аналогия

Рассказываю я об этом вот почему: со мной произошло почти то же самое, что с Кеннаном. Я тоже смотрел на одну страну, а видел другую. Только аналогия, преследовавшая меня, была иной. У Кеннана все, что он видел собственными глазами, наслаивалось на наблюдения столетней давности, а у меня на что-то куда более древнее, напоминавшее мне, однако, сталинскую Москву, пожалуй, больше, чем николаевский Санкт-Петербург.

Я говорю о Московии, о том политическом порядке, который воцарился в стране после самодержавной революции Ивана Грозного — за три столетия до Николая (и за четыре до Сталина). Попробую объяснить, откуда эта странная навязчивая аналогия. Так случилось, что прочитал я введение Кеннана тотчас после выхода в свет своей книги о временах Грозного царя,³ книги, над которой работал практически всю сознательную жизнь (первое, американское ее издание вышло в свет на двадцать лет раньше.)⁴ И так уже врос я в ту далекую эпоху, что она стояла у меня перед глазами, как живая. Дело доходило до того, что сталинские вожди в своих длиннопольных черных пальто сливались в моем сознании с дьяками Ивана IV в таких же длинных и нелепых кафтанах, а их невнятная канцелярская про-

² М.П. Погодин. Историко-политические письма и записки, М., 1874, с. 259.

³ А.Л. Янов. Россия: У истоков трагедии 1462-1584, М., Прогресс-Традиция, 2001.

⁴ Alexander Yanov. The Origins of Autocracy, Berkeley, Univ. of California Press, 1981.

за с церковно-славянской невнятицей речей московитской иерархии XVII века. Точно та же царила в ней скрытность и подозрительность к остальному, еретическому миру. И та же патологическая нетерпимость. Вот почему, хоть и жил я в сталинской Москве в одно время с Кеннаном, поставила моя аналогия передо мной совсем другие вопросы. Например, такой.

Глава первая Вводная

Откуда

повторяемость?

Если трижды на протяжении четырех столетий возникали в истории моего отечества «черные дыры» (так, кажется, называют астрономы космические объекты, в которых исчезает свет), возникали, причем, в самые разные, ровно ничего, казалось бы, общего друг с другом не имевшие исторические эпохи, то как объяснить эту странную повторяемость? Нет слов, тираны нередко являлись в позднее Средневековье в истории любой европейской страны. Вспомните хоть Людовика XI во Франции (которого Монтескье считал родоначальником французского деспотизма) или Генриха VIII в Англии и Филиппа II в Испании. Однако в новое время, в XIX веке, ничего подобного в этих странах не повторилось. Не возникла в них своя «политическая религия», как называл официальную народность ее автор граф Сергей Уваров, не объявила она себя последней истиной, не явился свой прапорщик на троне, как отозвался однажды о Николае Пушкин, — ни в Англии, ни во Франции, ни даже в Пруссии или в Австрии. Словом, нигде, кроме России. Почему?

Это очень важный, согласитесь, вопрос, который не мог прийти в голову Кеннану. В конце концов, Сталин стоял для него в ряду других знаменитых тиранов новейшей истории. Рядом с Гитлером, скажем, или с Муссолини. Поэтому ничего особенно удивительного не увидел он в том, что николаевская тирания повторилась в середине XX века: развелось их тогда не меньше, чем в XV или в XVI столетии. А вот каким образом повторилась она в XIX веке, когда Россия оказалась вдруг исключением из правила, и притом *единственным*, тут загадка. Для того, можно сказать, и пишу я эту книгу, чтобы попробовать в ней разобраться.

Тем более, думаю, это важно, что никто еще — ни в российской, ни в западной историографии — такого решения, сколько я знаю, не предлагал. Да что там не предлагал, никто никогда и не рассматривал николаевскую попытку вернуть страну в допетровскую Московию как историческую загадку. Это правда, что один из крупнейших американских историков Н.В. Рязановский нечаянно подтвердил употребленный здесь термин «черная дыра», заметив в заключение своей книги об официальной народности, что «Россия так и не наверстала тридцать лет, потерянных при Николае».⁵ Тридцать украденных из жизни страны лет, украденное поколение, можно сказать. Но ведь и это, согласитесь, еще не ответ на вопрос, почему средневековая «дыра» воспроизвела себя в России нового времени.

Глава первая Вводная

Отлучение от Европы

Можно, конечно, отнести это на счет живучести российского самодержавия, агония которого действительно затянулась в стране надолго, до самого конца XX века. Такое соображение, однако, было бы лишь отговоркой, поскольку игнорирует главный вопрос: а почему, собственно, так надолго затянулся здесь режим неограниченной власти? И потом, самодержавие все-таки существовало в России с 1560 года (как я, во всяком случае, думаю) и по меньшей мере двадцать самодержавных государей сменились на ее престоле за эти столетия. Станным образом, однако, лишь эти трое — Иван IV, Николай I и Сталин — умудрились спровоцировать против России европейские коалиции. Причем коалиции такой мощи, что неизбежно должны были — одни тотчас, другие, в конечном счете — поставить страну на колени, обрекая ее на жесточайшее национальное унижение.

В конце концов, самодержцами — и очень жестокими — были и Петр I, и Екатерина II. Только по какой-то причине никогда не пытались они, в отличие от этих троих, «отрезаться от Европы», по старинному выражению Герцена, противопоставить ей Россию как альтернативную «цивилизацию», но посвятили свое правление чему-то прямо про-

тивоположному. А именно утверждению России в качестве одной из великих европейских держав. Более того, Петру пришлось приложить массу усилий, чтобы прорвать глухую изоляцию страны, в которую попала она в результате все той же Ливонской войны, затеянной Грозным (во всяком случае, именно во время этой войны, в 1570 году, оказалась Россия впервые исключена из европейского Конгресса в Штеттине).⁶

И долго, век с четвертью, продолжалось это унижительное и опасное отлучение от Европы. «Теоретики международных отношений, даже утопические мыслители, конструировавшие мировой порядок, — заметил в этой связи один из лучших американских историков России Альфред Рибер, — не рассматривали Московию как часть Великой Христианской Республики, составлявшей тогда сообщество цивилизованных народов».⁷

Герцог де Сюлли, которого очень высоко ценила Екатерина, по преданию, написал для французского короля Генриха IV записку о конфедерации христианских государств. Вот что говорилось в ней о Московии: «Когда б Великий князь Московский, или Русский царь, которого приемлют писатели за старинного скифского владельца, отрекся приступить ко всеобщему соглашению... то так же с ним поступить, как с султаном Турским, то есть отобрать у него все, чем он владел в Европе, и прогнать его в Азию, чтобы он без всякого нашего сопримешения мог бы, сколько ему угодно, продолжать войну, почти никогда у него не прекращающуюся с турками и персами».⁸ Короче, все эти десятилетия Московия, обязанная своим происхождением Грозному царю, оставалась в Европе, по сути, на правах Оттоманской империи — как чужеродное тело.

Великая революция потребовалась России, чтобы вернуться в Европу. Лишь читая отчаянные призывы Петра к французскому королю («Европейская система изменилась. Исключите Швецию и поставьте меня на ее место»)⁹, начинаешь понимать, что означало из-

⁵ *N.V. Riasanovsky. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855*, Berkeley, Univ. of California Press, 1969, p. 270.

⁶ *Alfred Rieber. «Persistent Factors in Russian Foreign Policy»* in Hugh Ragsdale, ed. *Imperial Russian Foreign Policy*, Cambridge Univ. Press, 1993, p. 347.

⁷ *Ibid.*, p. 347-348.

⁸ *А. Зорин. Кормя двуглавого орла*, М., 2001, с. 52.

⁹ Cited in *B.H. Sumner. Peter the Great and the Emergence of Russia*, English Univ. Press, 1950, p. 97.

вестное признание графа Никиты Панина, руководителя внешней политики при Екатерине. «Петр, — писал он, — выводя народ свой из невежества, ставил уже за великое и то, чтоб уравниять оный державам второго класса».¹⁰

Глава первая Вводная

Екатерина и Николай

Продолжая дело Петра, Екатерина относилась к этому его завоеванию в высшей степени ревностно. Она не только вывела Россию в ранг европейских держав «первого класса», говоря языком графа Панина. И не только заявила в первом же пункте своего знаменитого *Наказа* Комиссии по уложению, что

«Россия есть держава европейская»,

но и сопроводила свое заявление таким удивительным комментарием:

*«Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в те времена, совсем не сходствовали с климатом страны и принесены были к нам смещением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр Великий, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал».*¹¹

Иначе говоря, весь московитский период отлучения от Европы был официально объявлен неестественным для России (не соответствующим ее климату и в этом смысле просто исторической аберрацией).

Новая история страны начиналась, согласно Екатерине, с ее возвращения в Европу. Можно как угодно относиться к наивной попытке императрицы («обокравшей», как она сама признавалась, Монтескье) теоретически обосновать свое сомнительное историографическое новшество. Намерения ее, однако, сомнению не подлежат.

Нетрудно себе представить, как отнеслась бы императрица к стремлению своего внука Николая, оказавшегося полстолетия спустя на ее престоле, перечеркнуть все усилия Петра и ее собственные старания. Ведь то, что он и впрямь их перечеркнул, буквально бросается в глаза. Дело дошло до того, что ее собственные

письма Дидро и Д'Аламберу были запрещены николаевской цензурой. Но вот пример более серьезный.

Читая переписку Екатерины с философами или ее яростную отповедь аббату Шаппу д'Отерошу под длиннейшим названием (которое я для удобства читателей сокращу на несколько строк) «Антидот или разбор дурной, но великолепно изданной книги под заглавием „Путешествие в Сибирь“», ясно видишь, как отчаянно отбивалась она от обвинения, что ее правление деспотическое, а дух ее народа рабский. Точно такого же негодования полны и полемические сочинения ее современников и единомышленников.

Вот что писал, например, самый талантливый из них в *«Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненных генерал-майором Иваном Болтиным»*. Россия, говорит Болтин, и вообще «северные народы вольность за первейшее благо, а рабство за гнуснейшее и посрамительнейшее для человечества состояние признают».¹² И тотчас после этого: «Как можно правление Российское назвать деспотическим, где дворянство не меньшею вольностью, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледельцы несравненно меньше несут тягости, нежели в котором ни есть из государств Европейских?».¹³

Я опять же ни на минуту не призываю читателя поверить этой откровенно пропагандистской риторике, а только предлагаю прислушаться к самой тональности сочинений Ивана Болтина и его императрицы. Ясно, что Европа была для них скорее символом, нежели совокупностью реальных государств, каждого со своей собственной историей и собственной судьбой. Говоря научным языком, означала она для них «идеальный тип» государственности, *способной к политической модернизации*. Именно поэтому никак не могла допустить Екатерина, чтобы ее страну отождествили с Азией, где деспотизм обрекал общество, согласно общепринятой тогда «климатической» классификации Монтескье, на политическую смерть.

Не забудем также, что власть этой «климатической» теории была в ту пору абсолютной — даже над самыми просвещенными ума-

¹⁰ В.О. Ключевский. Сочинения, т. 5, М., 1958, с. 340.

¹¹ Г.В. Плеханов. Сочинения, т. 22, с. 178.

¹² И. Болтин. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, Спб., 1788, с. 242.

¹³ Там же. с. 466.

ми. До такой степени, что и четверть века спустя после смерти Екатерины П.Я. Чаадаев все еще считал Японию «нелепым уклонением от божеских и человеческих истин».¹⁴ И В.Г. Белинский не сомневался десятилетием позже, что «народ, не сознающий себя живым членом человечества, есть не нация, но... живой труп, подобно китайцам, японцам, персиянам и туркам».¹⁵ Мудрено ли, что для Екатерины деспотизм, свойственный этим «живым трупам», всегда был не только бранным словом, но и личным оскорблением?

А теперь сопоставьте это с позицией, которую без тени смущения и с некоторым даже самолюбованием провозгласил ее внук Николай. «Да, — признавался он, — деспотизм еще существует в России, *ибо он составляет сущность моего правления*, но он согласен с гением нации».¹⁶ А вот позиция его единомышленника и сотрудника, уже упоминавшегося графа Уварова по поводу согласного с деспотизмом «гения нации», а также «гнуснейшего и посрамительнейшего в человечестве состояния»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему».¹⁷

Поворот, согласитесь, головокружительный. Внук Екатерины так же грубо и откровенно разрушал дело своей бабки в XIX веке, как Грозный царь, который тоже ведь был внуком европейского реформатора России Ивана III, разрушал дело деда в XVI.¹⁸ Это был тотальный семантический переворот, если хотите. Уваров и его император сознательно и даже с большим воодушевлением лепили антипетровский образ России.

Дело, однако, было не только во внезапной и драматической перемене официальной риторики. Еще важнее, что как прагматичес-

кий политик, посвятивший жизнь приобщению России к «символической» Европе, Екатерина непременно увидела бы в николаевском перевороте *угрозу европейской коалиции* против «отечества драгого». И действительно, ведь крымская катастрофа была в нем заложена, подобно дубу в желуде. По крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, противопоставление России Европе не могло долго оставаться лишь правительственной риторикой. Оно должно было тотчас обрести своего рода лобби, влиятельную котерию националистических идеологов, оправдывавших и обосновывавших эту новую *культурно-политическую ориентацию* страны. Должно было, другими словами, стать основополагающим фактом ее культурной жизни. Тем более что эпоха наполеоновских войн оставила ей в наследство целую плеяду угрюмых проповедников «особнячества», последователей А. Шишкова и Ф. Ростопчина, ненавидевших все иностранное и подозревавших в «опасном якобинстве» даже такого выдающегося идеолога самодержавия, как Н.М. Карамзин.

Во-вторых, это «особняческое» лобби, проповедовавшее превосходство России над Европой, должно было раньше или позже заставить самодержца поверить в его собственную риторическую фикцию. И это не могло не сказаться на его отношении к Европе. События бросить ей вызов оказался непреодолим. Во всяком случае для Николая, в котором, по выражению Пушкина, было «много от прапорщика и немного от Петра Великого».¹⁹ Соответственно, дело и кончилось Крымской войной.

В-третьих, наконец, низведение страны, как в московитские времена, на уровень Оттоманской империи, т. е. чужеродного Европы тела, не могло не вызвать в ней ответную реакцию. Короче, николаевский переворот был чреват возникновением в Европе массовой русофобии. Стоило, например, подняться в 1830-х Польше, как она надолго обрела в глазах европейской публики тот же международный статус угнетенной варварами европейской страдальцы, что и Греция, судьба которой под Оттоманским игом всколыхнула континент десятилетием раньше.

Очень точно объяснил этот резкий перелом в отношении Европы к России П.Я. Чаадаев:

¹⁹ А.С. Пушкин. ПСС, М.-Л., 1937-1959, т. 12., с. 330.

¹⁴ П.Я. Чаадаев. Философические письма, Ардис, 1978, с. 40.

¹⁵ В.Г. Белинский. ПСС, М., 1953-59, т.5, с. 305-306.

¹⁶ М. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826-1855, Спб., 1918, с. 42. (выделено мной. — А.Я.)

¹⁷ Cited in F. Fadner. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia. 1800-1870, Georgetown Univ. Press, 1962, p.219.

¹⁸ Я понимаю, что для тех, кто не читал первую книгу трилогии, такая характеристика Ивана III может звучать несколько неожиданно. От тех, кто читал её, однако, я покуда еще не слышал сколько-нибудь обоснованного опровержения этого ключевого тезиса — ни в российской, ни в западной литературе.

*«Турки — отвратительные варвары. Пусть будет так. Но варварство турок не угрожает остальному миру, а это нельзя сказать о варварстве некоей другой страны. Притом же с варварством турок можно бороться у них, с другим варварством это невозможно. Вот в чем весь вопрос. Пока русское варварство не угрожало Европе, пока оно не провозглашало себя единственной настоящей цивилизацией, единственно истинной религией, его терпели; но с того дня, как оно противопоставило себя Европе в качестве политической и моральной силы, Европа должна была сообща против этого восстать».*²⁰

Удивительно, право, каким образом десятки экспертов, отечественных и иностранных, изучавших николаевскую Россию, не заметили, что антипетровский переворот Николая сделал военное столкновение с Европой практически неминуемым. И что уже по одной этой причине предстояло ему стать гигантским водоразделом, безнадежно расколовшим петербургский период русской истории на две не только разные, но и враждебные друг другу части — условно говоря, екатерининскую и николаевскую.

Должен честно признаться, что Степан Петрович Шевырев, один из влиятельных членов нового антиевропейского лобби, сформулировал нечто подобное задолго до меня, еще в 1841 году. Сказал он тогда (конечно, в похвалу Николаю), что подлинно «национальный период русской истории» начинается только с его царствования, придя, наконец, на смену «периоду европейскому — от Петра до кончины Александра».²¹

Глава первая Вводная

«Вызов Петра»

Одно во всяком случае не подлежит сомнению: нельзя объяснить николаевский переворот затянувшейся на два столетия агонией русского самодержавия. Напротив, очень похоже, что именно он и объясняет эту затянувшуюся агонию. Такова, во всяком случае, гипотеза, положенная в основу этой книги.

Если Иван Грозный создал режим неограниченной власти, раздавив в ходе первой самодержавной революции 1560-х набиравший в его время силу в России «абсолютизм европейского типа»²² (по определению С.О. Шмидта), то вторая самодержавная революция при Николае отрезала стране путь к назревшей уже к середине XIX века конституционной монархии (вполне возможно, предпретив, что и столетие спустя после нее конституционные учреждения России окажутся, по жестокому выражению Макса Вебера, «псевдоконституционными», всего лишь «думским самодержавием»).

Разумеется, пока это лишь гипотеза. Но вот некоторые факты, ее поддерживающие. Американский историк так описывал проект, представленный в 1805 году последним из екатерининских, так сказать, самодержцев России английскому премьеру Питту: «Старой Европы больше нет, время создавать новую. Ничего, кроме искоренения последних остатков феодализма и введения во всех странах либеральных конституций, не сможет восстановить стабильность».²³ Осторожный Питт, конечно, отверг этот проект. Но Александр Павлович остался верен своим идеям и десятилетие спустя, когда отказался вывести свои войска из оккупированного Парижа, пока Сенат Франции не примет новую конституцию, ограничивающую власть Бурбонов. Я не знаю, признают ли сегодняшние французские историки, что первой своей либеральной конституцией Франция обязана русскому царю. Но мы ведь о другом. О том, что представить себе, чтобы Николай, оказавшись на месте брата, настаивал на введении где бы то ни было конституции, — за пределами воображения. Так откуда эта разница между европейцем Александром и московитским прапорщиком на престоле?

По словам одного из самых уважаемых русских историков А.Е. Преснякова, «в годы Александра I могло казаться, что процесс европеизации России доходит до крайних своих пределов. Разработка проектов политического преобразования империи подготовляла переход русского государственного строя к европейским формам государственности; эпоха конгрессов вводила Россию органической частью в „европейский концерт“ международных связей,

²⁰ Звенья, 1934, № 3-4, с. 388.

²¹ Москвитянин, 1941, № 1, с. 295-296.

²² Вопросы истории, 1968, № 5, с. 24.

²³ H.A Kissinger. A World Restored, Gloucester, Mass., 1973, p. 37.

а ее внешнюю политику — в рамки общеевропейской политической системы; конституционное Царство Польское становилось... образцом общего переустройства империи».²⁴ Совершенно очевидно, что культурно-политическая ориентация страны при Александре, как она описана Пресняковым, ни при каких обстоятельствах не могла спровоцировать вооруженную конфронтацию с Европой. Николаевский переворот ее спровоцировал. Как объяснить эту разницу?

Самый беспощадный из обличителей Александра I М.Н. Покровский вынужден был признать, пусть и скрепя сердце, что подготовленный в 1810 году по поручению императора конституционный проект Сперанского «вовсе не был академической работой». И что, напротив, «Сперанский серьезно рассчитывал на осуществление своего проекта, Александр серьезно об этом думал, их противники не менее серьезно опасались введения в России конституции».²⁵ Ни один историк, как бы ни относился он к Николаю, не смог бы себе представить, чтобы при нем в России могло происходить хоть что-то подобное. Почему?

И, наконец, именно при Александре Россия ответила на «вызов Петра», как назвал отказ от московитского наследия Герцен, совершенно европейским поколением декабристов, поставившим во главу угла своих революционных проектов (если не считать маргинального проекта Пестеля) именно конституционную монархию. А также золотым веком русской литературы, который Николаю, как он ни старался, так и не удалось, в отличие от декабристского восстания, подавить. («Цензора, — по известному выражению А.В. Никитенко, — теперь хуже квартальных надзирателей»)²⁶ Почему же, спрашивается, царствование последнего «екатерининского» самодержца породило небывалый расцвет русской культуры, а Николай создал в стране, по словам того же Никитенко, «нравственную пустыню»?²⁷

Боюсь, невозможно ответить на эти вопросы, не предположив, что, по крайней мере, в одном отношении «вызов Петра» и впрямь сработал. Во всяком случае, век с четвертью спустя интеллектуальная элита России, «все, что было в ней талантливого, образованно-

²⁴ А.Е. Пресняков. Апогей самодержавия, Л., 1925, с. 15.

²⁵ М.Н. Покровский. Избранные произведения. М., 1965, кн. 2, с. 211.

²⁶ А.В. Никитенко. Дневник в 3 томах, М., 1965, т.1, с. 261.

²⁷ Там же, с. 266.

го, знатного, благородного и блестящего»,²⁸ была готова к тому, чтобы *довести его дело до логического конца*. Короче, ориентированное на Европу самодержавие неизбежно должно было вырастить своих могильщиков.

Как это произошло — отдельная тема. Наверное, прав был один из самых замечательных эмигрантов Владимир Вейдле, заметив, что «дело Петра переросло его замыслы и переделанная им Россия зажила жизнью гораздо более богатой и сложной, чем та, которую он так свирепо ей навязывал... Он воспитывал мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина».²⁹ Прав, без сомнения, и сам Пушкин, что «новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу привыкало к выгодам просвещения».³⁰ Прав и Герцен, что в XIX столетии «самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом. Их союз даже в XVIII веке удивителен».³¹ Или, может быть, просто, как комментировал Н.Я. Эйдельман, «для декабристов и Пушкина требовалось два-три „непоротых“ дворянских поколения».³²

Волей-неволей приходится заключить, что «вызов Петра» был с самого начала чреват возникновением декабризма. Уже потому, что, по выражению того же Вейдле, «окно он прорубил не куда-нибудь в Мекку или в Лхасу»,³³ но в Европу.

Глава первая Вводная

«Вызов Николая» Нетривиальное другое. А именно, прорубая свое окно, Петр круто развернул лишь культурно-политическую ориентацию режима, т. е. сделал практически то же самое, что совершил — только в обратном направлении — Николай. Ибо социальная структура модернизирующейся России осталась и после Петра старой, по сути, московитской. По крайней мере в том смысле, что подавляющее

²⁸ Колокол (факсимильное издание), М., 1962, вып. 1, с. 29.

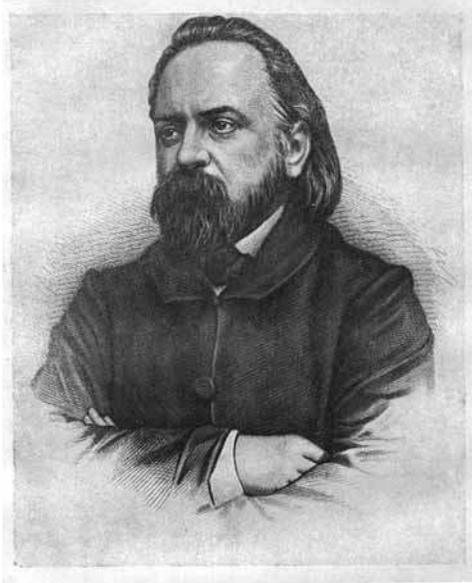
²⁹ В. Вейдле. Задача России, Нью-Йорк, 1956, с. 87.

³⁰ А.С. Пушкин. ПСС, т. 11, с. 14.

³¹ А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т.7, 1958, с. 192.

³² В борьбе за власть. Страницы политической истории XVIII века. М., 1988, с. 297.

³³ В. Вейдле. Цит. соч., с. 12.

Александр Иванович
Герцен

большинство ее населения как было, так и осталось в рабстве. В результате страна оказалась разорванной надвое, обреченной жить сразу в двух временных измерениях. Ее образованное меньшинство, перепрыгнув одним скачком через полтора московитских столетия, включилось в европейскую жизнь, тогда как крестьянское большинство по-прежнему прозябало в московитском средневековье.

Первыми, кто понял смертельную опасность этого фундаментального раскола России, были декабристы, поставившие перед собой практическую задачу ее *воссоединения*. В этом, собственно, и состоит их действительная роль в истории русского самосознания. Нельзя было окончательно избавиться от московитского наследия, не уничтожив крестьянское рабство. И, конечно, самодержавие как его гаранта. Другого способа довести дело Петра до логического конца, т. е. окончательно вернуться в Европу, в ту пору не существовало.

Был ли у декабристов шанс на успех, пусть даже временный? Подавляющее большинство историков уверено, что нет. Исключений, сколько я знаю, два. Первым был Герцен. «Что было бы, — спрашивал он в открытом письме Александру II, — если б заговорщики вы-

вели солдат не утром 14, а в полночь и обложили бы Зимний дворец, где ничего не было готово? Что было бы, если б, не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и не уверенный в себе?» Его заключение: «Им не удалось, вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен».³⁴

Похожий сценарий предложил столетие спустя Н.Я. Эйдельман:

*«Не совсем ясными представляются суждения некоторых историков и литераторов о том, что декабристы были обречены на стопроцентный неуспех... Кто-то из декабристов (Якубович, например) мог бы, конечно, убить Николая; восставшие лейб-гренадеры без труда могли бы завладеть дворцом. Об этих возможностях, как вполне реальных, вспоминал позже сам царь. Тогда могла бы образоваться ситуация, при которой власть в Петербурге перешла бы к восставшим».*³⁵

Еще интереснее, однако, рассуждение Эйдельмана о том, что могло бы произойти в этом случае:

*«Историки очень не любят разговоров на темы „что было бы, если бы...“, чем, кстати, отличаются от социологов, исследователей общественного мнения, которых интересуют и несбывшиеся, но возможные варианты событий. В случае хотя бы временного захвата столицы 14 декабря были бы изданы важные декреты — о конституции, крестьянской свободе, — что, конечно, имело бы значительное влияние на историю. Этого не случилось, хотя, бывало, осуществлялись и куда менее вероятные события, например сто дней Наполеона, которые могли быть пресечены случайной пулей сторонника Бурбонов».*³⁶

Как бы то ни было, бесспорно, что численность откровенных противников самодержавия по сравнению с их многомиллионным народом была тогда ничтожной (из 579 обвиненных в связи с мятежом 14 декабря в Сибирь пошел 121 человек, еще пятеро — на виселицу). Стоит, однако, сравнить ее с числом тех, кто отважился 4 июля 1776 года в Филадельфии подписать Декларацию независимости Соединенных Штатов, чтобы убедиться, что важно вовсе не это. Ведь и откровенных сторонников независимости тоже было 56 — капля в море по сравнению с их собственным многомиллионным

³⁴ Колокол, вып. 1, с. 30.

³⁵ Н.Я. Эйдельман. Герцен против самодержавия, М., 1973, с. 315.

³⁶ Там же, с. 315-316.

народом. И в случае неуспеха их тоже ожидала виселица. Они рискнули своей вполне благополучной жизнью потому, что, как и декабристы в России, сознавали себя интеллектуальной элитой страны, мозговым центром нации, ответственным за ее судьбу.

И, между прочим, их ситуация тоже была отчаянной. Достаточно сказать, что больше трети американцев, так называемые «тори», оставались верны законному монарху в Лондоне и твердо стояли против независимости. И еще одна треть, как всегда бывает в переломные эпохи, «сидела на заборе», выжидая, кто победит. Добавьте к этому, что бросили 56 диссидентов в Филадельфии вызов самой могущественной тогда империи мира. И что в том же июле высадилась на Лонг-Айленде карательная экспедиция и 32 тысячи солдат готовились идти на подавление мятежа. Сложите все это вместе, и вам неожиданно станет ясно, что у филадельфийских мятежников было в тот роковой день ничуть не больше шансов на успех, нежели у петербургских.

Я, собственно, ничего особенного этим сравнением не хочу сказать, кроме того, что уже сказал: век с четвертью после «вызова Петра» интеллектуальная элита России была готова к не менее кардинальной, чем независимость для Америки, реформе. Другими словами, к ее трансформации в нормальную европейскую страну — без самодержавия и крепостного рабства.

Глава первая Вводная

«Золотой век русского национализма»

Судьба судила иначе. Победил Николай и с ним новомосковитское самодержавие. Его «вызов» России был не менее крутым, чем петровский. Ибо означал он не только новый триумф самовластья и крепостного права. И не только интеллектуальную катастрофу, неизбежную, когда внезапно, в одну ночь лишают общество цвета его молодежи. Означал «вызов Николая» еще и нечто худшее. А именно, что надолго, на десятилетия, если не на поколения, снимается с повестки дня назревшее уже в первой четверти XIX века воссоединение страны. Именно это, надо полагать, и имел в виду М.О. Гершензон, заметив уже в 1911 году, что «Николай и в духовной области, как в материальной, тяжко изувечил русскую жизнь — не ход ее развития, но ненормальность этого хода».³⁷

Не менее важно и то, что, разбудив отвергнутое Петром московитское «особнячество», Николай безошибочно нашел единственный способ, каким можно было сохранить в стране крестьянское рабство и самодержавие. Если даже сегодняшний читатель попробует придумать, как можно было бы это сделать в тот роковой для страны час, все равно ведь ничего лучшего не придумает. Я знаю, я пробовал. Только национализм, только московитское убеждение, что «Россия должна идти своим особым путем», что мы единственные, — по язвительному выражению В.О. Ключевского, — истинно правоверные в мире, способно было тогда заново легитимизировать деспотизм и рабство. Стоит ли после этого удивляться, что наступил в России с воцарением Николая «золотой век русского национализма», по словам того же Преснякова? Что «Россия и Европа сознательно противопоставлялись друг другу как два различных культурно-исторических мира, принципиально разных по основам их политического, религиозного, национального быта и характера»?³⁸

Настоящая цена этого николаевского отступления в Московию выяснится лишь впоследствии, когда окажется, что заново посеять в национальном сознании эту «языческую тенденцию к особнячеству», как назовет ее позже В.С. Соловьев,³⁹ можно сравнительно быстро (особенно если в качестве сеятеля выступает всемогущая администрация режима, открыто объявившего себя деспотическим). Но и двух столетий не хватит для того, чтобы от нее избавиться.

Как бы то ни было, едва ли осталось теперь у читателя сомнение в том, что стояла Россия после смерти Александра Павловича на пороге революционного переворота — *совершенно независимо от того, чем кончилось бы дело на Сенатской площади*. Просто, поскольку не удалось декабристам довести до ума дело Петра, совершилась другая революция — антипетровская, московитская.

Первое возражение очевидно: какая же это в самом деле антипетровская революция, если в результате Николай оказался точно таким же самодержцем, как Петр? Формально это так. Но ведь, как мы уже знаем, самодержавие самодержавию рознь. И культурно-полити-

³⁷ М.О. Гершензон. Эпоха Николая I, М., 1911, с. 4.

³⁸ А.Е. Пресняков. Цит. соч., с. 15.

³⁹ В.С. Соловьев. Соч. в двух томах, М., 1989, т. 1, с. 443.

ческая ориентация режима не менее важна для будущего страны, нежели его формально-юридическая структура. Это неожиданный вывод, согласен. И тем не менее подумайте, что случилось бы с Россией, поддержки она 11 сентября 2001 года не Буша, а бен Ладена.

Ведь и в этом случае формально-юридическая структура режима осталась бы прежней. Изменилась бы лишь его культурно-политическая ориентация. Именно это изменение, однако, и обещало бы стране катастрофу.

Глава первая Вводная

Приговор современников

Но ведь нечто подобное как раз и случилось с Россией после воцарения Николая. И поэтому мыслящие современники не могли не воспринять это резкое изменение культурной ориентации режима именно как революцию. Вот что писал, например, о разнице между петровским и николаевским самодержавием знаменитый историк С.М. Соловьев: «Начиная с Петра и до Николая просвещение всегда было целью правительства. Век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные последствия невежества в суевериях. По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства». ⁴⁰ Поворот, как видим, и впрямь на 180 градусов. Попробуйте отрицать, что это была именно революция.

А вот что, не сговариваясь с Соловьевым, записал в дневнике цензор и академик А.В. Никитенко: «Видно по всему, что дело Петра Великого имеет и теперь врагов не меньше, чем во времена раскольниковых и стрелецких бунтов. Только прежде они не смели выползти из своих темных нор... Теперь же [при Николае] все подземные болотные гады выползли из своих нор, услышав, что просвещение застывает, цепенеет, разлагается». ⁴¹ Короче, и по мнению Никитенко, революция Николая была именно антипетровской. Победили «болотные гады», потомки вождей разгромленных Петром «стрелецких бунтов».

Вот портрет николаевского самовластья, вышедший из-под пера самого яркого из публицистов славянофильства К.С. Аксакова: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно до чего дойдут... Как дурная трава, выросла непомерная бессовестная лесь, обращающая почтение к царю в идолопоклонство... Всеобщее развращение в обществе дошло до огромных размеров». ⁴² Как назвали бы вы это внезапное и тотальное торжество «бессовестной лжи»?

Послушаем теперь отзыв о николаевском самодержавии редактора вполне реакционного «Русского вестника» Н.А. Любимова, исполненный почти щедринского сарказма: «Обыватель ходил по улице, спал после обеда в силу начальнического позволения; приказный пил водку, женился, плодил детей, брал взятки по милости начальнического снисхождения. Воздухом дышали потому, что начальство, снисходя к слабости нашей, отпускало в атмосферу достаточное количество кислорода... Военные люди, представители дис-

Сергей Михайлович
Соловьев

⁴⁰ С.М. Соловьев. Мои записки для моих детей, а может быть, и для других, Спб., 1914, с. 118.

⁴¹ А.В. Никитенко. Цит. соч., с. 317-318.

⁴² Русь, 1881, 16 мая, сс. 18, 13.

циплины и подчинения, считались годными для всех родов службы... Телесные наказания считались основой общественного воспитания».⁴³ Это ли не возвращение в Москву?

Вот мнение будущего статс-секретаря и министра внутренних дел П.А. Валуева, уверенного, как и Аксаков, что причиной крымской катастрофы была «всеобщая официальная ложь... Сверху — блеск, а внизу — гниль».⁴⁴

А вот финальный приговор Федора Ивановича Тютчева: «В конце концов было бы даже неестественно, чтобы тридцатилетний режим глупости, развращенности и злоупотреблений мог привести к успехам и славе».⁴⁵ И добавил уже в стихах, адресованных покойному императору, человеку, по его словам, «чудовищной тупости»:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Все было ложь в тебе, все призраки пустые.
Ты был не царь, а лицедей!⁴⁶

Я нарочно процитировал здесь современников Николая самых разных, даже противоположных убеждений. И среди них, как видит читатель, нет ни одного из тогдашних прославленных диссидентов — ни Белинского, ни Герцена, ни Бакунина, ни Чаадаева (хотя им, естественно, тоже было что сказать по поводу николаевского вызова — Чаадаев, например, как раз и назвал его «настоящим переворотом в национальной мысли»)⁴⁷.

Никто из этих современников не вынес своего приговора в пылу полемики или в связи с какими-нибудь оскорбительными для них лично обстоятельствами. Все это, кроме дневниковой записи Никитенко, сказано задним числом и звучит скорее как итог тридцатилетних размышлений, нежели как запальчивые оговорки. Да и Алек-

сандр Васильевич Никитенко, вынося свой беспощадный вердикт, по-прежнему оставался дружен с министрами, был уважаемым академиком, редактором и цензором. Короче, цитировал я выстраданные и тщательно обдуманые суждения вполне благополучных граждан и несомненных патриотов своей страны. Объединяло всех этих людей, в принципе не имевших друг с другом ничего общего, — умеренного либерала Соловьева, умеренного консерватора Никитенко, пламенного славянофила Аксакова, тихого реакционера Любимова, преуспевающего правительственного дельца Валуева и певца российского великодержавия Тютчева, — лишь одно: сознание *невыносимости* «новомосковитского» самовластья в России XIX века.

Соответственно, все они отнеслись к «вызову Николая» как к чудовищной напасти или, говоря словами Ивана Сергеевича Тургенева, как к «своего рода чуме».⁴⁸ Режим, при котором, по выражению Погодина, «во всяком незнакомом человеке предполагался шпион»⁴⁹ и, по словам Никитенко, «люди стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу друзей и родных»,⁵⁰ был для них всех одинаково неприемлем. Они ощущали николаевскую Москву не только как петлю на шее, но и как исторический тупик.

Глава первая Вводная

«Восстановители баланса»

Все это имело бы сегодня, быть может, лишь академический интерес, когда бы не одно замечательное и совершенно современное обстоятельство. Я говорю о том, что именно в последнее время набирают в интеллектуальных кругах — и на Западе, и в России — силу попытки реабилитировать николаевский режим или, как деликатно выразился известный американский историк Брюс Линкольн, «восстановить баланс в пользу Николая».⁵¹ Причем набирают эти попытки силу по причинам, похоже, отнюдь не академическим. Во всяком случае, «восста-

⁴³ Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н.А. Любимова, Спб., 1889, с. 184.

⁴⁴ А.Е. Пресняков. Цит. соч., с. 89.

⁴⁵ Литературное наследство, т. 19-21, 1935, с. 197.

⁴⁶ Старина и новизна, кн. 19, Пг., 1915, с. 149.

⁴⁷ П.Я. Чаадаев, цит. соч., с. 87.

⁴⁸ Тургеневский сборник, Пг., 1921, с. 168.

⁴⁹ М.П. Погодин. Цит. соч., с. 258.

⁵⁰ История России в XIX веке (далее ИР), М., 1907, вып. 6, с. 446.

⁵¹ Bruce Lincoln. Nicholas I, Emperor and Autocrat of All Russias, Northern Illinois Univ. Press, 1989.

новители баланса» никакими особенными историографическими открытиями, которые давали бы основание оспорить единодушный приговор самых наблюдательных современников Николая, человечество в конце XX века не осчастливило. Почему происходит это в России, наверное, объяснимо. Разочарование в реформах и, в первую очередь, резкое падение престижа и общественного положения интеллигенции; распад четырехсотлетней империи и утрата сверхдержавного статуса — все это каким-то образом отнесено многими на счет «космополитической» политики Горбачева и Ельцина, т. е. попытки примирения с Европой. Или, как выражался А.А. Зиновьев, «позорной капитуляции Родины» перед Западом.⁵² А поскольку в некотором роде напоминает эта политика аналогичный курс Александра I, то круто националистический, антиевропейский поворот его преемника вырастает вдруг в некий судьбоносный исторический урок, который следует усвоить России в XXI веке, чтобы «подняться с колен».

Правда, кончился этот антиевропейский поворот крымской катастрофой и как раз той самой «позорной капитуляцией» перед Западом, на которую жаловался Зиновьев. К сожалению, это печальное обстоятельство ускользает от внимания «восстановителей баланса». Станным образом толкуется оно не как неизбежное последствие московитской революции в Петербурге, но как результат «последнего колониального похода всей Европы на Россию» (В.В. Ильин).⁵³ Или, еще выразительнее, «европейского заговора против России» (В.В. Кожин).⁵⁴ Только вот почему такой «европейский заговор против России» возник именно при Николае, объяснить они не могут. Как и то, почему ничего подобного не возникло в Европе ни при Екатерине, ни при Александре, не могут тоже.

Безусловно, мотивы «восстановителей баланса» могут быть сложнее, чем выглядят они в таком тезисном изложении. И мы тотчас это увидим, едва приступим к более или менее подробной их экспозиции. Начнем с историографии западной. Просто потому, что здесь у нас преимущество: сравнительно недавно вышло второе издание книги Линкольна, специально посвященной этому предмету.

Начинает автор без обиняков. Он тоже считает николаевскую Россию загадкой — только историографической. В частности потому, что, будучи временем, когда страна, по его мнению, «вступила на путь экономического прогресса и внутреннего успокоения», описывают ее до сих пор историки по какой-то причине как эпоху «интеллектуального притеснения, тирании и произвола».⁵⁵

Линкольн уверен, что разгадал причину этой ошибки. Оказывается, она просто «следствие ударения на русском радикализме, которое делали как советские, так и западные историки. В результате большинство исследований посвящено было интеллектуалам-диссидентам... и мы смотрели на этот период глазами кого-нибудь вроде Александра Герцена... или с точки зрения таких людей, как И.И. Панаев и В.Г. Белинский». Да, для этих людей «апогей самодержавия и в самом деле был ужасным временем». Но, с другой стороны, ведь и «любой исторический период выглядит жестоким и притеснительным для диссидентов, выступающих против установленного порядка».⁵⁶

Между тем «для многих в России это было время, на которое они впоследствии смотрели с ностальгией, время, когда все было определено и жизнь предсказуема. Для тех, кто был хоть сколько-нибудь заинтересован в существующем порядке, эта стабильность была очень желанна».⁵⁷ Не зря же «многие в России восхищались Николаем, даже благоговели перед ним». Именно поэтому и ставит перед собою автор цель «восстановить баланс в пользу Николая».⁵⁸ И, естественно, обязательная оговорка: «Конечно, это не апология строгого, иногда жестокого императора. Я просто попытаюсь показать его таким, каким видели его современники, поместить его и его политику в более сбалансированную историческую перспективу». В конце концов, повторяет автор, «царствование Николая было хорошим временем для многих в России».⁵⁹

Имея в виду, что книга Линкольна писалась на исходе брежневизма, когда советские диссиденты были в центре внимания запад-

⁵⁵ Bruce Lincoln. Op. cit., p.9.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid., p. 151.

⁵⁸ Ibid., p. 9.

⁵⁹ Ibid., p. 151-152.

⁵² А.А. Зиновьев. Запад, М., 1995, с. 6.

⁵³ В.В. Ильин. Реформы и контрреформы в России, М., 1996, с. 49.

⁵⁴ В.В. Кожин. Тютчев., М., 1988, с. 336.

ной публики, такое открытое предпочтение благоговейших «многих» диссидентским свидетельствам совершенно явственно звучало как вотум недоверия этим свидетельствам. Так неожиданно переплелись академические мотивы с откровенно политическими.

Нечего и говорить, что в России переплетение это еще очевиднее. Сколько я знаю, однако, никто из российских историков не отважился покуда написать, подобно Линкольну, дерзкую книгу, специально посвященную «восстановлению баланса в пользу Николая» (как, впрочем, и в оправдание Ивана Грозного или Сталина). Но свидетельств этой тенденции более чем достаточно в отечественной литературе.

Например, Б.Н. Миронов в недавней *«Социальной истории России»* тоже, подобно Линкольну, не возражает против описания николаевской Московии как «эпохи просвещенного абсолютизма». ⁶⁰ Не возражает, несмотря даже на то, что, согласно не оспоренному автором заключению С.М. Соловьева, именно просвещение стало при Николае «преступлением в глазах правительства». А уж имея в виду свидетельство такого авторитетного наблюдателя, как А.В. Никитенко, что «просвещение застывает, цепенеет, разлагается», взгляд Миронова становится и вовсе загадочным. (Впрочем, судя по списку использованной в его монографии литературы, ни *«Записок»* Соловьева, ни *«Дневника»* Никитенко он просто не читал).

Но окончательно переходит Миронов в ряды «восстановителей баланса», когда, по сути повторяя Линкольна, выступает в защиту николаевской бюрократии. Он тоже полагает, что в тогдашней России «закон нарушался главным образом в отношении нелояльных к власти лиц, но в отношении простых обывателей, составлявших около 99 % всего населения, он, как правило, соблюдался». ⁶¹ И тоже винит в «нарушении баланса» русскую литературу. «Сделанные выводы вступают в противоречие с распространенным в исторической литературе мнением о как бы врожденной некомпетентности, коррумпированности русской бюрократии, ее злоупотреблениях и несоблюдении законности... Одними из важных, если не главных, источников такого мнения до сих пор являются художественная ли-

⁶⁰ Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи, М., 1999, т. 2, с. 148.

⁶¹ Там же, с. 171.

тература и публицистика». ⁶² Я прошу читателя запомнить эти слова, мы еще не раз к ним вернемся.

Сейчас скажу лишь, что Миронов идет куда дальше осторожного Линкольна, откровенно обвиняя в сознательном искажении светлого образа николаевской бюрократии не одних Панаева с Белинским, а практически всю русскую классику:

«Н.В. Гоголь, П.И. Мельников-Печерский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.И. Герцен, А.В. Сухово-Кобылин и другие классики создали впечатляющий, но отрицательный портрет российского чиновника. Мне кажется, что писатели и современники *намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии* по той простой причине, что их цель... состояла в том, что бы опорочить ее и косвенно дискредитировать верховную власть. Это был способ борьбы образованного общества с самодержавием, которая активно началась при Николае I». ⁶³

Ну, допустим, исследователю социальной истории России недосуг читать какого-нибудь Белинского, тем более его письмо к Гоголю. Но не знать, что Николай Васильевич Гоголь боготворил самодержавие (см. его *«Выбранные места из переписки с друзьями»*), и обвинить его ни больше ни меньше как в попытке дискредитировать верховную власть, это, пожалуй, просто неприлично. Так же как не задать хоть себе самому вопрос: почему, собственно, «борьба образованного общества против самодержавия» началась именно при просвещенном, по его мнению, абсолютизме Николая? Казалось бы, классики русской литературы должны были только радоваться его просвещенности, а вот поди ж ты — по неизвестной причине на него ополчились. Неужели такое странное их поведение не заслуживает того, чтобы хоть попытаться его объяснить?

Впрочем, заключение мироновского обвинительного акта против русской классики стоит его преамбулы. «Историки, по-видимому, пошли на поводу у писателей, поскольку и они, как правило, преследовали ту же политическую цель: любыми средствами скомпрометировать самодержавие». ⁶⁴ Тут просвещенный читатель, должно быть, ахнул. Это Погодин-то, чей беспощадный приговор николаевской России был

⁶² Там же, с. 173.

⁶³ Там же (курсив мой. — А.Я.)

⁶⁴ Там же.

отчаянной попыткой защитить самодержавие, против него злоумышлял? Или академик Никитенко, о котором даже реакционное суворинское «Новое время» заметило, что «никак не его обвинять в легкомыслии или в желании подорвать авторитет власти»?⁶⁵ Что-то же должно было заставить даже вполне лояльных самодержавию современников именно при Николае изменить своему призванию, занявшись вдруг подрывной, в сущности, деятельностью. Так что это было? Надо уж совсем не уважать читателя, чтобы не задать этот вопрос.

А ведь есть и другие, куда более важные. Например, может быть, дружная оппозиция русской литературы николаевскому самодержавию объясняется вовсе не внезапным желанием «опорочить верховную власть», а тем, что и впрямь прав был Герцен, когда сказал: «В XIX столетии самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом»? А вдруг отчаянное декабристское восстание как раз и было грозным сигналом этой несовместимости, интуитивным предчувствием грядущего национального несчастья, которым чревато было для России самовластье?

Но Миронов скорее поверит какому-нибудь «Отчету министра юстиции за 1847 год», нежели Щедрину. И статистическим сводкам, а не Ключевскому. Впрочем, секрет его предпочтений прост: он, как и Линкольн, презирает диссидентов. Презирает, причем всех поголовно, не делая ни малейшего различия между радикалами, как Михаил Бакунин, просто ненавидевшими власть, и либералами, как Алексей Унковский, искавшими конструктивную альтернативу самодержавию. Все они для него одним миром мазаны. Так сказать, узок круг их интересов и страшно далеки они от народа, обожающего самодержавие. «Кого представляли радикалы и либералы?» — негодуя спрашивает Миронов. И уверенно отвечает: «До начала XX века большей частью самих себя, т. е. горстку людей, а не народ».⁶⁶

Но что, если именно эта «горстка людей», так же как и филадельфийские мятежники 1776 года или петербургские 1825-го, как раз и представляла национальную мысль? И национальную судьбу? Что, если видела она дальше, чем народ, и именно к ней должна была прислушаться верховная власть, коли и впрямь желала предотвратить не-

минуемую катастрофу, способную, в конечном счете, не только смести ее, но и принести неисчислимые бедствия этому самому народу?

Мы еще поговорим об этой вдохновляющей Миронова смеси примитивного популизма и статистического фетишизма. Сейчас констатируем лишь, что ни один из рецензентов его монографии, из тех, конечно, кого мне довелось читать, на защиту отечественной классики не выступил. И это, боюсь, свидетельствует, что многие сегодняшние интеллектуалы в России подход Миронова разделяют.

Глава первая Вводная

«Удивительно, что мы еще живы»

Но если Миронов встал в ряды «восстановителей баланса» из соображений хотя бы отчасти методологических, то хватает у него сегодня союзников и среди тех, кто занят «восстановлением баланса» по соображениям очень даже политическим. А.Н. Боханов, например, автор школьного учебника русской истории, вполне искренне сочувствует николаевской официальной народности. Во всяком случае, самодержавие представляется ему институтом таким же сакральным, каким фигурировало оно в официальной народности. Судите сами: «Окруженный сакральным ореолом, недоступный лицезрению простых подданных носитель верховной власти в качестве высшего нравственного символа и бесспорной земной инстанции выступает гарантом и воплощением России».⁶⁷

Боханов, правда, приписывает этот взгляд Пушкину (никак, впрочем, документально свой навет не подтверждая). И точно так же прозрачно маскирует он свое сочувствие двум другим столпам официальной народности. «Писатель Иван Шмелев очень точно описал характерные признаки русского исторического типа: Русский тот... кто верен Русской Православной Церкви. Она соединяет нас с Россией».⁶⁸ Разделяет точку зрения Боханова и д-р исторических наук Н.А. Нарочницкая, которая тоже считает «религиозно-философской основой русского государственного сознания концепцию самодержавия как верховной власти от Бога» и даже уверена,

⁶⁵ Новое время, 1889, 5 октября.

⁶⁶ Б.Н. Миронов. Цит. соч., с. 179.

⁶⁷ Отечественная история, 2002, № 2, с. 13.

⁶⁸ А.Н. Боханов. История России XIX — начала XX в., М., 1998, с. 8.

что, не понимая этого, «несерьезно в научном отношении судить о сущности московского самодержавия».⁶⁹

Понятно, что к диссидентам, отвергнувшим в свое время эти московитские представления, относятся наши православные фундаменталисты еще более сурово, чем Линкольн или Миронов. Боханов, например, вполне разделяет мнение николаевского шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа о событиях 14 декабря как о «преступном выступлении против власти».⁷⁰ И уверяет современных школьников, что лишь «ненавистники российского государства» могут считать реакционной идеологию официальной народности, стоявшую на самом деле «на страже порядка и спокойствия империи».⁷¹ Тем более что «монархи в России получали свои прерогативы... не от народа, а от Всевышнего, наделявшего их властью на земле».⁷²

Нарочницкая, конечно, и тут согласна. «Чин помазания на царство, — уверяет она, — делал царя самодержцем, верховным правителем, ограниченным в своих поступках ответственностью перед Богом не менее строго, чем перед законом».⁷³ Ну и как, спрашивается, должны мы после этого относиться к смертным, бунтующим против чрезвычайного и полномочного представителя Всевышнего на земле, для которого закон не писан? Без малейшего стеснения проповедуют эти историки диктатуру, лишь едва прикрытую флером средневековой риторики, и при этом еще полагают себя единственными, кто безупречен «в научном отношении».

Согласитесь, что на таком фоне даже невинное, на первый взгляд, заявление обозревателя «Известий» (и тоже, между прочим, автора школьного учебника) Александра Архангельского тоже выглядит как призыв к «восстановлению баланса». Вот посмотрите: «Если выбирать исторические параллели, то путинский образ ближе всего к образу Николая I, столь нелюбимого интеллигентами и столь репутационно замаранного... В отличие от своего братца Александр

⁶⁹ Н.А. Нарочницкая. Россия и русские в мировой политике, М., 2002, с. 132 (курсив мой. — А.Я.)

⁷⁰ А.Н. Боханов. Цит. соч., с. 94.

⁷¹ Там же, сс. 93, 99.

⁷² Там же, с. 13.

⁷³ Н.А. Нарочницкая. Цит. соч., с. 137.

ра, Николай — вменяемый, искренне национальный, честный, но политически неглубокий, не масштабный».⁷⁴

Страшно даже подумать, что случилось бы во второй четверти XIX века с Россией, будь Николай еще «масштабнее». Во всяком случае, Тимофей Николаевич Грановский, самый выдающийся из профессоров Московского университета той эпохи, находил, что масштабы этого «искренне национального» царствования были и без того смертоносны. Вот что рассказывал об этом в своих воспоминаниях тот же С.М. Соловьев: «Приехавши в церковь [приносить присягу новому государю], я встретил на крыльце Грановского; первое мое слово ему было „умер“. Он отвечал: „Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы еще живы“».⁷⁵

Глава первая Вводная

Проблема контекста

Все мои только что процитированные современники принадлежат, как модно сейчас говорить в Москве, к мейнстриму российской политической и академической жизни. Никто из них не радикал, вроде Проханова, и тем более не диссидент, как Лимонов. И все-таки они единодушны в своем стремлении «восстановить баланс в пользу Николая». Беда, как мы видели, лишь в том, что стремление это непримиримо противоречит приговору мыслящих современников Николая, испытавших его «просвещенность» на собственной, как говорится, шкуре. Точнее всех, кажется, обобщил их приговор Никитенко: «Главный недостаток этого царствования в том, что все оно было ошибкой».⁷⁶ Так как же все это согласовать? В учебнике А.Н. Боханова противоречие буквально бросается в глаза. Тут в соседних абзацах находим мы и гимны николаевскому царствованию, которое эти люди считали ошибкой, ложью, даже чумой, и прославление тех же С.М. Соловьева или Т.Н. Грановского как видных ученых, составивших славу русской науки. Не может ли быть в таком случае, что истинная роль николаевского тридцатилетия в русской

⁷⁴ М. Колеров. Новый режим, М., 2001, с. 38.

⁷⁵ С.М. Соловьев. Цит. соч., с. 152.

⁷⁶ А.В. Никитенко. Цит. соч., с. 421.